

Алек Д. Эпштейн

**ИЗРАИЛЬ В ЭПОХУ
«ПОСТ-СИОНИЗМА»:
НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ
И ПОЛИТИКА**

Москва 2006

ИЗРАИЛЬ В ЭПОХУ «ПОСТ-СИОНИЗМА»

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Алек Д. Эпштейн

**ИЗРАИЛЬ
В ЭПОХУ «ПОСТ-СИОНИЗМА»:
НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА**

Москва 2006

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

ИЗРАИЛЬ В ЭПОХУ «ПОСТ-СИОНИЗМА»: НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА
М., 2006. 148 стр.

В книге анализируется зарождение концепций «пост-сионизма», говорится о вовлеченности его идеологов в процесс выработки важнейших внешнеполитических документов (от соглашений Осло до Женевской инициативы), рассматривается роль леворадикальных израильских университетских преподавателей в полемике об «академическом бойкоте». Рассмотрение идеологических постулатов «новых историков» предваряется подробным анализом тех уникальных характеристик, которые выделяют сионизм на фоне других национальных движений, возникших в Европе в конце XIX – начале XX века, а также особенностей социально-политической жизни современного израильского общества.

Книга адресована специалистам-востоковедам, дипломатам, политологам, философам, всем, кто интересуется интеллектуальной историей и сегодняшними реалиями израильского общества.

Dr. Alek D. Epstein

ISRAEL IN THE ERA OF «POST-ZIONISM»: ACADEMY, IDEOLOGY AND POLITICS
Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies, 2006

ISBN 5-89394-155-1

Книга подготовлена при поддержке Международной ассоциации деятелей еврейского образования и культуры «Эхо».

ISBN 5-89394-155-1

© Институт Ближнего Востока
© Алек Д. Эпштейн

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
Глава 1. КОГДА ПОЛИТИКА НОКАУТИРУЕТ НАУКУ: ИЗРАИЛЬСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В ЭПИЦЕНТРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СКАНДАЛА.....	23
Глава 2. УНИКАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ (ВОС)СОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ ИЛИ НАУЧНО ДОКАЗУЕМЫЙ ФАКТ?.....	28
Глава 3. БЕЗ ОБЩНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ БАЗЫ: СИОНИЗМ И ИНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ.....	34
Глава 4. НЕ КАНОНИЗИРУЯ ПРОШЛОЕ, СОЗИДАЯ ИНОЕ БУДУЩЕЕ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛ-РЕФОРМАТОРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ВОССОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	44
Глава 5. ОТ ПРОШЛОГО – К НАСТОЯЩЕМУ: ПОЯВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ «ПОСТ-СИОНИЗМА» И ЕЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОФИЦИОЗ.....	58
Глава 6. ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ.....	65
Глава 7. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МАРКСИСТСКИХ И «ПОСТ-КОЛОНИАЛЬНЫХ» ТЕОРИЙ.....	85
Глава 8. ПЕРЕПИСЫВАЯ ЗАНОВО: РАЗРУШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.....	95
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.....	106
ПРИМЕЧАНИЯ.....	112

Об авторе

Алек Д. Эпштейн – историк, социолог и востоковед, ведущий русскоязычный специалист по истории и политологии Израиля и арабо-израильского конфликта. В 1997 г. он защитил написанную на языке иврит магистерскую диссертацию об истории пацифизма и нравственного сопротивления в Израиле, а в 2001 г. – докторскую диссертацию о взаимоотношениях интеллектуальной и политической элит в Израиле (обе были подготовлены и утверждены в Еврейском университете в Иерусалиме). С 1999 г. и по настоящее время он преподает на кафедре социологии и политологии Открытого университета Израиля, в Центре Чейза Еврейского университета в Иерусалиме и в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автор книг «Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир» (Москва, 2003; в киевском издании книга озаглавлена «Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке») и «Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика» (Москва, 2005), редактор и один из авторов сборников статей «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество» (Москва, 2000), «Общество и политика современного Израиля» (Москва–Иерусалим, 2002), «Идеология еврейской национальной жизни в современном мире» (Москва–Иерусалим, 2003), «Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии» (Москва, 2004), «Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе» (Москва, 2004), а также курсов Открытого университета Израиля «Становление израильской демократии» (в четырех книгах, Тель-Авив, 2001) и «Общество, экономика и культура Израиля» (в четырех книгах, Тель-Авив, 2002–2003).

Автор более сотни научных и публицистических работ, а также многочисленных газетных статей, опубликованных в 1998–2005 гг. в десяти странах на четырех языках. Выступал на многочисленных международных научных конференциях в России, Израиле, Германии, Норвегии, Швеции, Греции, Китае и других странах. Как лектор, исследователь и эксперт сотрудничает с рядом научных, образовательных и общественных организаций, регулярно выступает по радио и по телевидению.

Предисловие издателя

Д-р Алек Эпштейн – один из наиболее плодотворных израильских политологов вообще и авторов Института Ближнего Востока в частности. При этом он не только профессионал высокого класса, детально прорабатывающий свои работы перед тем, как представить их на суд читающей публики, но и преподаватель, заслуженно любимый московскими студентами и востребованный в этом качестве не только израильским, но и российским академическим истеблишментом. Его главный недостаток с бюрократической точки зрения является одним из главных достоинств с точки зрения научной: для него нет запретных тем. Не случайно в правом лагере израильской элиты он известен как «честный левый». Рассматривая самые щекотливые и острые вопросы израильской внутренней и внешней политики, проблемы израильского общества, он делает это с детальной скрупулезностью настоящего ученого. Его собственные либеральные взгляды не заставляют его искажать действительность в угоду партийным или групповым интересам и зачастую приводят к выводам, озвучивать которые в академическом истеблишменте Израиля «не принято». Возможно, именно в этом в наибольшей мере проявляется его понимание подлинного патриотизма в отношении Государства Израиль, гражданином которого он является.

Тема «постсионизма», которой посвящена настоящая работа, чрезвычайно актуальна не только для Израиля, но и для России. Что заставляет группу – причем весьма значительную – представителей академического и политического истеблишмента, зачастую потомков ближайших соратников «отцов-основателей» государства, выступить против собственной родины с критикой столь же огульной, сколь деструктивной? По-

чему критический анализ реальных проблем и недостатков у этих людей подменяется неспровоцированной агрессией, вначале по отношению к своим оппонентам, а затем к государственным и общественным институтам, зачастую предоставляющим «разрушителям основ» рабочие места и возможность за государственный счет разваливать государство? Стоит ли что либо, помимо осознания ими своей неконкурентоспособности, академической и политической несостоятельности, за их попытками спровоцировать антиизраильские кампании на Западе и в Третьем мире? Является ли их роль в трагической эскалации палестино-израильского противостояния в 90-х гг. XX и начале XXI в. ролью «пятой колонны», или всего лишь следствием профессиональной деградации левого истеблишмента, блестяще использованной Ясиром Арафатом в своих собственных, далеких от декларированных им при жизни целях? Могут ли они опираться на внутренние силы, а не действовать почти исключительно на внешнеполитической арене, являясь прямыми союзниками не только недоброжелателей, но и откровенных врагов собственной страны? Где в антиизраильской деятельности «постсионистов» проходит черта, после которой общество должно пресечь их разрушительную активность исходя из естественного инстинкта самосохранения? Долго ли еще демократия в Израиле будет означать вседозволенность для избранных, и в какой мере долготерпение государства по отношению к ним оправдано?

Эти и другие вопросы, затронутые и проиллюстрированные д-ром Эпштейном, как нельзя более своевременны для нашей страны. Вопрос вопросов российской политической элиты - где граница, за которой патриотизм становится ксенофобией, национальная гордость – благоглупостью, а защита интересов страны подменяется защитой интересов собственного клана. Однако, не менее важно осознавать меру ответственности, при нарушении которой критика превращается в

клевету, борьба за идеалы в предательство родины, а демократия в анархию. Вопросы, которые в отношении Израиля ставит книга д-ра Эпштейна, могут помочь отечественным политикам учесть чужие ошибки, исправляя свои собственные. Немалое достоинство для академической работы по Ближнему Востоку...

Евгений Сатановский
Президент ИБВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не так уж и давно – в 1988 году – в Москве была опубликована книга «Палестина в петле сионизма», на более чем трехстах страницах которой клеймилась идеология еврейского национального возрождения – идеология, на несколько десятилетий ставшая стержневой доктриной (вос)создания Израиля как независимого еврейского государства. Велик был соблазн назвать эту книгу «Израиль в петле пост-сионизма», и я до сих пор не уверен, что правильно поступил, не поддавшись этому искушению: с коммерческой точки зрения такой заголовок выглядел бы куда как выигрышнее. И все же, я бы очень не хотел, чтобы эта монография воспринималась как идеологический манифест какого угодно свойства. Эта книга – не работа о забвении идей «богоизбранности» или о предательстве «божественной миссии» Государства Израиль; мне, человеку светскому, в целом чужды подобные размышления. Понятно, что сколько бы сами те или иные евреи-израильтяне (как и любые другие национальные, религиозные, классовые и иные группы) не верили в свое особое предназначение, их жизнь протекает не в вакууме, а среди других народов, и признание со стороны других народов является, на мой взгляд, необходимым условием реализации израильтянами той доктрины, в которую многие из них верили и верят.

Совершенно очевидно, что страны и народы, религия и мировоззрение которых являются библейскими в своей основе, относятся к Израилю иначе, чем те страны, культура которых не имеет библейский корень (скажем, Индия, Китай, Япония и так далее). В глазах китайского общества – а даже и в эпоху американской гегемонии не стоит забывать, что именно Китай является крупнейшей в

мире по населению страной, число жителей которой в четыре с лишним раза превышает численность населения США – Израиль не имеет, вероятно, никакого особого предназначения, за исключением, может быть, весьма сомнительного «предназначения» модернизировать беспилотные самолеты, разработанные для уничтожения радарных станций и зенитных батарей. При этом кажется очевидным, что и в США, и в странах Европы народ Израиля воспринимается, прежде всего, как библейский народ, а территория, на которой расположены Израиль, Палестинская администрация и некоторые соседние арабские страны – как арена, на которой разворачивались библейские события. Понятие «евреи-израильтяне, не исповедующие иудаизм» в западных странах не воспринимается в принципе. Как отмечает выдающийся израильский философ, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Йосеф Дан (Joseph Dan), «израильтянин воспринимается иностранцами как гражданин уникального еврейского государства. Даже если он станет клясться в том, что является атеистом и убежденным секуляристом, абсолютно равнодушным к еврейской религии, его все равно будут считать гражданином еврейского – по религиозному признаку – государства. Само словосочетание “еврейское государство” является в иностранной прессе постоянным синонимом официального названия “Израиль”; ничего подобного невозможно вообразить в отношении другой страны: словосочетание “христианское государство”, равно как и “исламское государство”, не задает однозначного соответствия, тогда как «еврейское государство» ясно указывает на Израиль»¹. Профессор Й. Дан резюмирует: «Секулярное самовосприятие израильского большинства ощущается как некий курьез за пределами страны»². Но должна ли эта связь между национальной, гражданской и религиозной идентификацией столь же ультимативно восприниматься израильтянами? Имеют ли они такое же право выбора иных путей, как и представители любых других народов, или же их

миссия может состоять только и исключительно в том, чтобы символизировать циклическую преемственность между библейским периодом и (вос)созданием еврейской государственности в Палестине/Эрец-Исраэль?

С другой стороны, не будем забывать о том, что некоторые выдающиеся еврейские интеллектуалы рубежа XIX и XX веков, как, например, Герман Козн (Hermann Cohen, 1842–1918) и Франц Розенцвейг (Franz Rosenzweig, 1886–1929), равно как и их ныне живущие духовные последователи (упомянем в этой связи о родившемся в год смерти Ф. Розенцвейга Джордже Стейнере), считали и считают еврейское возвращение в Сион не выражающим еврейскую миссию в истории, а противоречащим ей. Должен ли еврейский народ, подобно другим, иметь свое государство (и, как следствие, свои институты подавления), либо же миссия еврейства состоит как раз в бытии над временем и государственными границами? Убежденность Германа Козна в том, что Израиль избран и рассеян среди народов для того, чтобы стать воплощением и символом единства человечества в истории – что это? Наивность европейского интеллектуала, разбившаяся в щепки в годы Холокоста, либо же та сверхзадача, к выполнению которой Израиль и должен стремиться? Прав ли Джордж Стейнер (George Steiner), утверждающий в своем вышедшем в 1985 г. эссе «Наше отечество – текст», что возникновение Государства Израиль представляет собой «печальное чудо», которое дало евреям «материальную родину» и возможность выживания как народа, но лишило их подлинной жизненной силы, таившейся в гуманных традициях еврейской культуры, ибо «шесть тысяч лет самосознания и есть отечество»³. Иными словами, с перспектив самовосприятия как библейского народа, состоит ли задача современного еврейства в воссоздании еврейского национального очага и государства в Палестине/Эрец-Исраэль (и тогда Государство Израиль самим фактом своего существования служит выражением этой задачи), либо же наоборот – при-

звание еврейства и миссия его состоят в том, чтобы быть духовным и культурным авангардом среди иных народов, не играя в опасные игры политического национализма, символизируя безграничную возможность к перевоплощениям и аккультурациям, временам и границам вопреки (и тогда существование отстаивающего свой суверенитет Государства Израиль противоречит миссии еврейства)?

Нельзя забывать и о том, что, будучи «государством еврейского народа» (именно такое определение дает Основной закон о Кнессете), Израиль де-факто является многонациональным государством, более двадцати процентов населения которого говорят на арабском языке – языке стран, с которыми Израиль неоднократно воевал. Еще в 1862 году британский историк и политический мыслитель лорд Актон (Lord Acton, 1834–1902) отмечал: «Судьба национальных меньшинств определяется степенью гуманности и цивилизованности господствующего народа, заявляющего претензии на все права сообщества, и может в соответствии с этой степенью означать для них истребление, сведение на положение рабов, ущемление в правах и лишение защиты закона или же зависимое положение»⁴. Состоит ли цель и сверхзадача Израиля, например, в том, чтобы продемонстрировать степень гуманности и цивилизованности еврейского народа через отношение к арабоязычным национальным меньшинствам?

Следует с самого начала оговориться: поиск уникальной сверхзадачи какого-либо народа – занятие бесконечно захватывающее, но при этом и довольно опасное. Интерес к национальной истории приобретает совершенно иное звучание, перерастая в национализм, дискриминирующий другие народы. Очевидно, что никакая страна, в том числе и Израиль, не может и не должна реализовывать свое «предназначение» за счет индивидуальных и коллективных прав других народов.

И вместе с тем, говоря об Израиле (в данном контексте речь идет не о библейском, а о современном Израиле)

ле, отсчет истории которого можно так или иначе вести с середины 90-х годов XIX века, с момента появления политического сионизма как организованного движения), невозможно не отметить уникальность его судьбы – как в прошлом, так и в настоящем. В этой связи можно выделить, как минимум, одиннадцать характеристик уникальности судьбы Израиля как современного общества:

Первое. Еврейское национальное движение – уникальное экстерриториальное явление. В момент появления сионизма евреи не представляли собой группу, компактно расселенную ни на той территории, на суверенитет над которой они претендовали, ни на какой-то другой, четко очерченной, территории. Реализация сионистского переселенческого проекта – беспрецедентное по своим масштабам событие в новейшей истории.

Второе. В противовес европейским национальным движениям, объединявшимся вокруг того или иного «национального языка», на котором говорили большинство членов этнонациональной общности, и только они (что позволило им объединяться, противопоставляя себя «другим»), сионизм выбрал в качестве «национального» языка не наиболее массовый по числу носителей среди евреев идиш, а иврит, который сохранялся в качестве разговорного языка в Иудее лишь до II века новой эры (самое позднее – до IV века новой эры). Возрождение иврита представляет собой совершенно уникальное явление, не имеющее прецедентов в истории иных национальных движений.

Третье. Сионизм – едва ли не единственное течение в истории национальных движений новейшего времени, в котором доминировала идея одновременной реализации и национальных, и социальных целей и идеалов. Как бы мы не относились сегодня к так называемым «социалистическим пережиткам» в израильском обществе и экономике, факт состоит в том, что и в глазах Теодора Герцля, и в глазах отцов-основателей так называемого рабочего движения (Берла Кацнельсона, Давида Бен-

Гуриона, Пинхаса Лавона, Ицхака Табенкина и других), доминировавшего и в ишуве, и на протяжении тридцати лет после обретения Израилем политической независимости, (вос)создание еврейского государства выглядело осмысленным только в том случае, если это будет не просто еще одно национальное государство, но общество, построенное на основе принципов социальной справедливости, в том числе и по отношению к живущим в стране представителям иных национальностей – и этот факт ставит сионизм особняком в контексте развития общественной мысли конца XIX – начала XX века. Еврейское национальное движение – едва ли не единственное, которое сочетало национально-освободительный и социальный компоненты. Предпринятая в последующие годы попытка создания полностью эгалитарного общества (киббуцы), реализовавшаяся и просуществовавшая в течение многих десятилетий, не имеет аналогов в мире.

Четвертое. В сионизме доминировало совершенно иное отношение к прошлому и традициям, чем в других национальных движениях, в которых ключевым было понятие исторической преемственности. Однако вместо возвеличивания сложившихся обычаев и традиций как духовной базы для обретения политического суверенитета, буквально во всех направлениях сионистской мысли (и среди сторонников и последователей Т. Герцля, и Ахад Ха'Ама, и В.Е. Жаботинского, и раввина А.И. Кука) присутствовала концепция «отрицания диаспоры». Сионизм, в отличие от других, консервативных по своему характеру, национальных движений, был проектом революционным, поставившим своей целью создание «нового человека» на земле, утерянной еврейским народом за многие столетия до этого.

Пятое. В мире существует сейчас порядка двухсот независимых государств, но вряд ли хотя бы одно из них представляет столь явное, как в Израиле, тождество между религией и национальной идеей⁵. Христианских и

мусульманских стран имеется по несколько десятков; в остальных случаях государство, как правило, не отождествляется с одной определенной религией, будучи политической формой сосуществования различных конфессий и культов. В Индии существует значительное общественное движение, которое пытается утвердить идентичность индийского государства и индуизма, но Индия все же не определима пока как «индуистское государство». Тождество между иранской государственностью и шиитским исламом отчасти напоминает израильскую ситуацию, однако Иран является в первую очередь мусульманским государством и лишь затем – шиитским. Армения и Эфиопия отождествимы каждая – с определенным и свойственным лишь одному народу направлением в христианстве, но и они существуют как прежде всего христианские страны, полагая свою конфессиональную исключительность дополнительной и второстепенной по отношению к этому факту. Что же до Израиля, то он является единственной страной, где подавляющее большинство граждан принадлежит к религии, не имеющей титульного статуса ни в одном другом государстве мира.

Шестое. В Израиле накоплен не имеющий аналогов (что не значит, естественно, что он является самым удачным, но аналогов не имеющий) опыт интеграции иммигрантов. В отличие от других стран массовой иммиграции, где иммигрирующее меньшинство приспосабливается к образу жизни коренного большинства, в Израиле практически никогда не существовало устойчивого большинства коренного населения. Простой пример: двенадцать из тринадцати членов первого правительства Израиля были иммигрантами в первом поколении. На сегодняшний день репатрианты составляют 24% общего числа призывников израильской армии. Средства массовой информации Израиля выходят в свет более чем на десяти языках.

Седьмое. Совершенно уникальным было и остается создание и деятельность демократических институтов

власти в условиях перманентного существования страны в режиме чрезвычайного положения. Несмотря на частые войны, Израиль создал единственную более или менее стабильную демократическую систему на Ближнем Востоке, в стране не было ни одного случая отмены выборов и ни одной попытки военного переворота – и это при том, что подавляющее большинство иммигрантов прибыли в Израиль из государств, в которых отсутствуют демократические традиции.

Восьмое. Холокост представляет собой, пожалуй, единственный случай в мировой истории, когда некое государство предприняло попытку полностью уничтожить отдельный народ, вне зависимости от пола, возраста, места проживания, профессии или вероисповедания, при том, что этот геноцид был совершен не ради видимой материальной, территориальной или политической выгоды. Государство Израиль было создано считанные годы спустя после Холокоста, и именно на него (хотя, конечно, не только на него) легла миссия: не дать человечеству забыть об этой беспрецедентной трагедии.

Девятое. Израиль – одно из крайне немногих государств мира (наряду с Арменией и Ирландией), большая часть титульной нации которого живет в диаспоре, из-за чего отношения диаспоры – метрополия в этом случае совершенно отличны от общепринятых. Вопреки изначальным целям политического сионизма, евреи диаспоры сегодня, как правило, ищут в Израиле решения практических проблем, а не экзистенциального спасения. Тем не менее, отношения между Израилем и еврейской диаспорой отличаются от отношений между другими странами и их бывшими гражданами и соплеменниками в зарубежье. Практически во всех энциклопедиях и словарях отмечается, что понятие «диаспора» (греческое «рассеяние») возникло именно для обозначения и осмысления формы и способа многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества

различных народов, культур и религий. О еврейской диаспоре говорится – и не раз – еще в Библии: «Господь Бог, собирающий рассеянных Израильтян» (Исаия, 56: 8); «и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли» (Исаия, 11: 12); «Хотя бы ты был рассеян до края неба, и оттуда соберет тебя Господь Бог твой, и оттуда возьмет тебя, и приведет тебя Господь Бог твой в землю, которую владели отцы твои, и получишь ее во владение» (Второзаконие, 30: 4–5). В авторитетной «Британской энциклопедии» слово «диаспоры» трактуется через призму еврейской истории и относится почти исключительно к жизни еврейского народа⁶. Существование в диаспоре на протяжении более двух с половиной тысячелетий – одна из наиболее заметных особенностей еврейского феномена, которая не могла не повлиять на формирование этнокультурного типа и специфику всего исторического пути нашего народа. Как бы не относиться к воссозданию еврейской государственности, этот народ больше, чем какой бы то ни было другой можно назвать «народом диаспоры».

Десятое. Израиль – государство с не определенными границами; социальные и психологические аспекты жизни поселенцев Западного берега и Голанских высот, которые в любой момент могут получить правительственные повестки о собственном исходе из своих домов (подобно тому, как их в 1982 г. получили жители Ямита и еще шестнадцать поселений на Синайском полуострове, а в 2005 г. – жители еврейских поселений Газы и Северной Самарии) – уникальный опыт, которому практически нет аналогов в мире.

Одиннадцатое. Израиль справедливо рассматривается как исключение при анализе отношений между военным и гражданским секторами; не может не обращать на себя внимание «гражданский» характер израильской армии, добывающейся при этом больших успехов в деле обеспечения безопасности страны, особенно сейчас, ко-

гда Израиль является форпостом противостояния исламскому экстремизму и терроризму.

Представляется, что осознание уникальности коллективной судьбы израильского общества жизненно необходимо Израилю для того, чтобы выжить и сохраниться. Израильскому обществу есть, что терять, его собственное уникальное прошлое и настоящее – только его, и никакая другая страна и никакой другой народ не сохранят того, что отличает Израиль от других человеческих сообществ.

Существование Израиля – вызов всему ходу мировой истории, в том числе, и истории новейшего периода, а потому едва ли не основная сверхзадача Израиля – сохраниться, упрочив свое положение духовного центра еврейского народа, и одновременно с этим – плюралистического демократического государства. При внимательном рассмотрении становится очевидным, что так называемая «пост-сионистская» альтернатива, сформулированная и исповедуемая в последние годы многими представителями академической, а под их влиянием – и политической элиты, может иметь губительные последствия для Израиля.

По прошествии полувека с момента создания Государства Израиль, сионизм для многих превратился в атрибут безвозвратно ушедшего прошлого. Однако эта «пост-сионистская» позиция является в корне ошибочной. Давид Брейкстоун (David Breakstone), один из руководителей Всемирной Сионистской организации, справедливо отмечает, что «основное заблуждение сторонников этой позиции заключается в той предпосылке, из которой они исходят, а именно: что сионизм был направлен исключительно на создание надежного прибежища для преследуемых евреев. Хотя данное устремление действительно лежит в основе сионистского движения, оно никогда не являлось его единственной целью, а также не было предметом его наиболее возвышенных мечтаний. “Пост-сионистский” подход рассматривает появление сионизма в чрезвычайно узком контексте, который к тому же носит

чересчур негативный характер: антисемитизм, погромы и разочарование в эмансипации»⁷. Да, выстояв в пяти войнах (или девяти, если считать Войну на истощение 1967–1970 гг., первую и вторую интифады и Персидский кризис 1991 г., когда Израиль был более сорока раз обстрелян иракскими «Скадами»), Израиль выполнил основную оперативную задачу политического сионизма: еврейское государство не только создано, но и доказало свою жизнеспособность. Однако, принимая во внимание все перечисленные выше компоненты уникальности Израиля, забвение сионистской идеи может иметь катастрофические последствия для страны и ее народа.

Да, Израиль успешно становится «нормальной» страной, но, на мой взгляд, это-то и таит в себе немалую опасность, и вот почему. Желая быть, условно говоря, как Америка (другие альтернативы, к сожалению, заведомо не рассматриваются), Израиль быть как Америка заведомо не может. Во-первых, Израиль, даже в силу весьма естественных причин (практически полное отсутствие полезных ископаемых и высокие военные расходы), не может – и едва ли сможет – обеспечить своим гражданам тот уровень жизни, который характерен для первой десятки наиболее обеспеченных стран мира. Во-вторых, в эпоху почти свободного перемещения людей по поверхности глобуса, руководству страны нужно прикладывать усилия, чтобы предотвратить массовый отток из страны перспективного и производительного населения. Серьезная проблема состоит в том, что многим способным, мотивированным, работающим израильтянам негде приложить свои знания, умения и навыки. В-третьих, существует и судьбоносная демографическая проблема, связанная с тем, что процент еврейского населения из неультрарелигиозного сектора все время сокращается, а доля арабского и еврейского ультрарелигиозного населения – увеличивается. Учитывая, что обе эти группы населения не связаны с сионистским проектом (вос)создания еврейской государственности, трудно представить себе, на чем и вокруг чего

будет держаться Израиль, если и когда две эти группы населения (арабы и евреи-ультраортодоксы), отличающиеся высокими темпами естественного прироста, в совокупности будут составлять большинство населения страны.

На сегодняшний день главной задачей доминирующего ивритоязычного большинства населения Израиля кажется мне поиск точек соприкосновения (и, по возможности, общего знаменателя) с тремя наименее привилегированными группами, в сумме составляющими около половины населения страны: арабскими жителями; евреями из ультраортодоксального сектора; русскоязычными гражданами. От того, насколько эти группы будут готовы способствовать продолжению существования Израиля как еврейского демократического государства, в конечном счете и зависит, сохранится ли оно в долгосрочной временной перспективе.

* * *

Я начал работать над этой книгой в августе 2002 г., будучи научным сотрудником исследовательского отдела иерусалимского института «Шалем». Мои статьи по данной тематике публиковались в 2003–2004 гг. на иврите и на английском языке в журналах «Лазурь: обзор израильской общественной мысли», «Azure. Ideas for the Jewish Nation» и «Israel Studies Forum», я говорил об этом в большом интервью, опубликованном на иврите и на английском языке ведущей израильской газетой «Ха'арец» и целиком перепечатанным «Бюллетенем» Израильской ассоциации социологов⁸. Фрагменты этого исследования представлялись мною на 34-й годовой конференции Израильской ассоциации социологов в феврале 2003 г., на 20-й годовой конференции международной Ассоциации исследователей израильского общества в июне 2004 г., а также на 36-м всемирном конгрессе Международного института социологов, прошедшем в июле 2004 г. Порусски, однако, никакие из этих работ опубликованы пока не были.

Предлагаемая вниманию читателей расширенная русскоязычная версия данного исследования была подготовлена в 2005 г. по соглашению с Международной ассоциацией деятелей еврейского образования и культуры «Эхо», за что я выражаю искреннюю благодарность ее руководителю, д-ру Ариэлю Борщевскому, деловое и дружеское общение с которым всегда наполняло меня новыми силами и давало стимул продолжать работу и тогда, когда, по тем или иным причинам, у меня буквально «опускались руки». Книга на русском языке включает не только те материалы, которые были интегрированы в иноязычные издания, но и результаты более поздних размышлений, реакции на полемику, которую вызвали уже опубликованные работы. Среди тех, кто принял участие в дискуссии по поднятым в моих публикациях вопросам на страницах газеты «Ха'арец», журнала «Лазурь» и Интернет-портала «Будущее Израиля» выделю профессора Моше Лиссака, профессора Хаима Ваксмана, д-ра Анатолия Казарновского и профессора Марка Раца, с мнениями которых я ознакомился с большим интересом.

Небольшие фрагменты третьей и четвертой главы книги были опубликованы в июле – августе 2005 г. в израильской газете «Вести» и прозвучали по израильскому радио РЕКА в программе «Открытый радиоуниверситет». Я благодарю главного редактора «Вестей» Сергея Подражанского, опубликовавшего за последние четыре года уже более полусотни моих статей и эссе, а также одну из лучших израильских радиожурналисток, Елену Шацкую, в сотрудничестве с которой были записаны эти – и многие другие – передачи. В этой работе нас всегда поддерживали д-р Виктория Либина, создатель, душа и мотор Академической программы по преподаванию еврейской истории, философии и общественных наук на русском языке Открытого университета Израиля, Дорит Голандер, главный редактор и подлинный лидер радио РЕКА на протяжении более чем десяти последних лет, а также филантропический фонд «Ави Хай».

Текст книги включает десятки примеров из работ самых известных израильских историков, социологов и политологов, опубликованных в последние два десятилетия, как в самом Израиле (на иврите и на английском), так и в США и странах Западной Европы. Каждая цитата отбиралась из нескольких возможных, и общая численность различных фрагментов, переведенных на русский язык в процессе подготовки этой книги, исчисляется сотнями. Многое перевел я сам; значительную часть источников на русский язык кропотливо и с большим усердием перевела Нелли Хеймец, которой я чрезвычайно признателен за это.

Я рад выразить самую искреннюю благодарность д-ру Евгению Сатановскому и Ефиму Жигуну, основателям и многолетним руководителям Института Ближнего Востока, Дмитрию Радышевскому, директору объединения «Иерусалимский саммит», Зеэву Элькину, вдохновителю создания Центра по развитию иудаики на русском языке в Еврейском университете в Иерусалиме, а также моему давнему коллеге и другу, преподавателю кафедры политологии Университета Бар-Илан д-ру Владимиру (Зеэву) Ханину за высказанные ими в ходе наших многочисленных бесед соображения и комментарии, давшие богатую пищу для размышлений, сравнений и обобщений. Разумеется, только я один несу ответственность за те выводы, к которым я пришел, и с которыми я рад поделиться с читателями настоящей книги.

Фантазмагорические события, происходившие в академическом мире во время подготовки переработанной версии исследования на русском языке, о которых подробно рассказывается в первой главе настоящей книги, дали новый импульс всей работе, подчеркнув, на мой взгляд, значимость анализируемых в ней феноменов.

*Алек Д. Эпштейн,
Иерусалим*

Глава 1.

КОГДА ПОЛИТИКА НОКАУТИРУЕТ НАУКУ: ИЗРАИЛЬСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В ЭПИЦЕНТРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СКАНДАЛА

Достаточно неожиданно, в том числе, и для них самих, израильские вузы оказались недавно в центре международного скандала: 22 апреля 2005 г. Ассоциация университетских преподавателей Великобритании (The Association of University Teachers), объединяющая, по крайней мере, формально, сорок восемь тысяч научных работников и лекторов, проголосовала за «академический бойкот» двух израильских университетов: Хайфского и Университета Бар-Илан⁹. Хотя инициаторы бойкота, палестинские интеллектуалы из Университета Бир-Зейт во главе с Лизой Тараки (Lisa Taraki) и Омаром Баргути (Omar Barghouti)¹⁰ и группа британских неомарксистов и «борцов с колониализмом» во главе с Сьюзан Блэкуэлл (Sue Blackwell) и Моной Бейкер (Mona Baker), требовали распространить его на все восемь израильских университетов (и в особенности – на Еврейский университет в Иерусалиме, якобы изгоняющий палестинских арабов из своих домов с целью строительства новых зданий общежитий для студентов), принятое решение касалось только двух из них и объяснялось разными причинами.

Университет Бар-Илан, созданный в 1955 г. американскими религиозными сионистами по модели существующего с 1886 г. нью-йоркского Yeshiva University и сочетающий передовые научные исследования с верностью традициям иудаизма, был обвинен в том, что оказывает поддержку находящемуся в городе Ариэль, на «оккупированных палестинских территориях», Академическому колледжу Иудеи и

Самарии¹¹. Не вдаваясь сейчас в вопрос о том, насколько Израиль имеет или не имеет права создавать и развивать вузы на территориях, принадлежавших в 1949–1967 гг. Иордании (и никогда не находившихся под суверенитетом палестинских арабов), само по себе «обвинение» бесспорно. Действительно, Академический колледж Иудеи и Самарии (как и целый ряд других колледжей, не находящихся, впрочем, вне пределов «зеленой черты»*, в том числе, Колледж в Цфате, Колледж в Иорданской долине и другие) был основан в 1982 г. при деятельном участии и под эгидой Бар-Иланского университета, хотя впоследствии и приобрел определенную академическую самостоятельность. Сегодня в Колледже Иудеи и Самарии существуют девятнадцать кафедр и подготовительное отделение, на которых учатся восемь с половиной тысяч студентов.

Бойкот Хайфского университета, пятую часть студентов и немалый процент преподавателей которого, кстати, составляют арабы Галилеи и так называемого «треугольника»

* «Зеленой чертой» в Израиле называют границы с соседними арабскими государствами (Египтом, Иорданией, Ливаном и Сирией), сложившиеся в результате подписания на о. Родос в январе – июле 1949 г. соглашений о прекращении боевых действий. Хотя арабские страны отказывались признать Израиль и заключить с ним мирные договора, которые бы включали в себя и соглашения о взаимно признанных границах, «зеленая черта» была признана международным сообществом в качестве израильской государственной границы. В ходе Шестидневной войны (1967 г.) израильские силы заняли территории общей площадью почти 70 тыс. кв. км за зеленой чертой; 91% этих территорий – Синайский полуостров – был полностью возвращен Египту после подписания мирного договора между двумя странами в 1979–1982 гг. В августе 2005 г. Израиль вывел свои войска из сектора Газа, ликвидировав и все созданные на территории сектора гражданские поселения. Судьба остальных территорий, занятых Израилем в 1967 г. (Иудеи, Самарии и Голанских высот), и поныне остается предметом переговоров.

(район Тиры – Бака-эль-Гарбия – Умм-эль-Фахма), ни в коей мере не был объяснен его географическим месторасположением. Здесь речь идет о том, чтобы «защитить» израильского историка и политолога д-ра Илана Паппе (Ilan Pappé) и студента магистратуры Тедди Каца (Teddy Katz) (оба – евреи по национальности) от притеснений, якобы имевших место со стороны руководства Хайфского университета в силу того, что ими было обнародовано исследование (в оригинале проведенное в 1998 г. Т. Кацем под руководством профессора-друза Кейса Фиро) о якобы имевшем место массовом убийстве двухсот и более арабов в деревне Тантура бойцами бригады «Александрони» в ходе первой арабо-израильской войны в конце мая 1948 г.¹² После того, как ветераны той войны, члены бригады «Александрони», оспорили в суде утверждение о якобы имевшем место «массовом убийстве» ими арабов Тантуры, оказалось, что в магистерской диссертации Тедди Каца в заведомо искаженной форме приведены фрагменты многочисленных собранных им аудиозаписей. Против работы Т. Каца высказались некоторые известнейшие израильские историки, в частности, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Алон Кадиш (Alon Kadish) и профессор Хайфского университета Йоав Гельбер (Yoav Gelber). После того, как Тедди Кац в суде отказался от своих первоначальных утверждений и признал, что никакого массового убийства арабов в деревне Тантура не было, а 19 декабря 2000 г. принес письменные извинения ветеранам бригады «Александрони» (опубликованные впоследствии также в широкой печати), руководством Хайфского университета была сформирована комиссия в составе четырех профессоров – Амации Бар-Ама, Рафи Тальмона, Йосефа Небо и Ибрахима Джерайса (хотя только последний – араб по национальности, все члены комиссии свободно владеют арабским языком), принявшая решение аннулировать утверждение его магистерской диссертации; соискателю было предложено переработать и заново подать ее (впрочем, 9 апреля 2003 г. Департамент по делам магистратуры

и аспирантуры Хайфского университета отклонил и вторую версию работы). Несмотря на очевидные расхождения между аудиозаписями и собранными материалами, с одной стороны, и их «цитировании» в тексте диссертации Т. Каца, с другой, Илан Паппе отказался признать оправданным решение о ее аннулировании. С тех пор, вот уже в течение пяти лет, он ведет борьбу против своих коллег из Хайфского университета, и если изначально И. Паппе призывал международное научное сообщество бойкотировать персонально тех ученых, которые входили в комиссию по делу Т. Каца, то впоследствии призвал к полному бойкоту всех израильских университетов. Этот его призыв был опубликован, в частности, в британской газете «*Guardian*» за двое суток до голосования по данному вопросу, 20 апреля 2005 г.¹³, и как можно предположить, оказал влияние на умонастроения членов Ассоциации по этому вопросу. Следует отметить, что, несмотря на его борьбу с коллегами, собственным университетом и израильскими научными учреждениями в целом, сам И. Паппе продолжает работать в Хайфе на отделении международных отношений кафедры политологии, и, вопреки его утверждениям, университетская администрация ни разу не поставила официально вопрос о его увольнении¹⁴. Решив активно выступить в поддержку якобы нарушаемого Хайфским университетом принципа академической свободы, Ассоциация университетских преподавателей Великобритании объявила ему бойкот – до тех пор, пока этот вуз «не прекратит преследование научных сотрудников и студентов, стремящихся исследовать и обсуждать историю возникновения государства Израиль» [дословный перевод с английского]. Едва ли имеет смысл тратить силы на то, чтобы оспаривать заведомо абсурдное утверждение, будто Хайфский университет, в профессорско-преподавательском составе которого состоят такие известные историки и обществоведы, специалисты по истории Государства Израиль, как Йоав Гелбер, Йехиам Вайц, Йосси Гольдштейн, Яков Барнаи, Оз Альмог, Моти Голани, Габриэль Бен-Дор, Ури Бар-Йосеф, Дан Шифтан и другие,

препятствует проведению исследований и обсуждений, касающихся «истории возникновения государства Израиль». Гораздо интереснее другое: если в случае с объявленным бойкотом Университета Бар-Илан и пока не объявленным, но и не отклоненным бойкотом Еврейского университета в Иерусалиме (к рассмотрению этого вопроса было решено вернуться в будущем еще раз), аргументация сторонников этих мер основывается на защите палестинских арабов, нормальному ходу жизни которых якобы угрожают Академический колледж Иудеи и Самарии и Еврейский университет, то бойкот Хайфского университета был объявлен в прямом смысле слова по призыву одного из его преподавателей-евреев, отстаивающего таким нетривиальным образом свои леворадикальные политические взгляды. Именно борьба Илана Паппе (который говорит о себе: «После смерти Эдуарда Саида я считаюсь одним из основных людей, выступающих от имени трагедии палестинцев»¹⁵) и Тедди Каца с «израильской оккупационной военщиной», борьба, кстати говоря, щедро оплаченная Палестинской администрацией (перечислившей Т. Кацу восемь тысяч долларов¹⁶), при безграничной толерантности со стороны ректората Хайфского университета, его администрации и научных работников, значительная часть из которых разделяет многие из их убеждений, и привела к решению британской Ассоциации о бойкоте.

Вопрос о том, как изучение и обсуждение истории Государства Израиль превратилось в причину для бойкота научных учреждений самого Государства Израиль, слишком важен, чтобы игнорировать его. Борьба Илана Паппе с университетом, в котором он работает, и с государством, в котором он живет, не была и не есть борьба одиночки – напротив, в ней проявляются (пусть и в несколько более крайней форме) те тенденции, которые на протяжении трех последних десятилетий превратили социально-историческое изучение успехов и неудач сионистского движения и Государства Израиль из плюралистической научной

дисциплины (или дисциплин) в не более чем эхо леворадикальной идеологии «пост-сионизма».

Глава 2. **УНИКАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ (ВОС)СОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ ИЛИ НАУЧНО ДОКАЗУЕМЫЙ ФАКТ?**

«Уникальность Израиля» стала темой множества опубликованных книг и статей на самых разных языках: казалось бы, есть ли о чем спорить, нужно ли ломиться, что называется, в открытую дверь?! Ответы на эти вопросы, однако, далеко не столь очевидны, ибо даже беглое знакомство с заголовками и тематикой посвященных этой теме сочинений приводит к выводу, что почти все они посвящены эпохам далекого прошлого. Ни в коей мере не оспаривая уникальность судьбы народа Израиля в библейские времена, в ходе вавилонского пленения и «возвращения в Сион» в период персидского владычества, в период Второго храма и после его разрушения, в ходе многих столетий жизни еврейских общин в странах диаспоры, я хотел бы сформулировать вопрос принципиально иначе: насколько правомерно говорить об уникальности истории народа, (вос)создавшего Государство Израиль, в XX веке? Насколько уникально – и уникально ли вообще – еврейское национальное движение (сионизм) в контексте многочисленных национальных движений конца XIX – начала XX века? Ответы на сформулированные выше вопросы не могут исчерпываться общефилософскими или теологическими соображениями, напротив: наиболее адекватными для подобного анализа являются методологические принципы и теоретические парадигмы позитивистских в основе своей общественных наук, прежде всего, социальной и политической истории.

В настоящее время в общественных науках (в особенности в работах авторов так называемой «пост-сионистской» ориентации, хотя и не только в них) Израиль рассматривается как не более чем один из частных случаев (case studies), один из множества примеров, к которому можно применить те или иные теоретические модели, не больше и не меньше. Различные авторы представляют Израиль то как частный случай строительства еще одного национального государства, то как пример колониального проекта заселения европейцами далеких территорий «на Востоке», то как частный случай активного участия военных в политической жизни (в духе концептуальной модели Чарльза Тилли и Энтони Гидденса, гласящей, что войны формируют облик государства в не меньшей мере, чем государства определяют характер войн) и так далее. При этом история (вос)создания еврейской государственности практически нигде и никогда не анализируется как уникальное социальное явление, случай, по целому ряду характеристик не имеющий параллелей в известных науке обществах. Представляется, что Израиль – именно с социальной, политологической, этнографической, социалингвистической перспектив (я не говорю о Святой земле как центре монотеистических религий, а именно о рациональных, обществоведческих аспектах) – явление совершенно уникального порядка. Я полагаю, что осознание этого факта исследователями может оказать значительное влияние на тематику и идейно-теоретическую направленность работ об израильском обществе и его новейшей истории, став катализатором выхода израилеведения на качественно новый уровень в мировых общественных науках. Социологи, политологи, этнографы, социальные психологи и лингвисты, изучающие израильское общество, могут значительно обогатить профессиональные знания международного научного сообщества в своей области не занимаясь механическим перенесением на израильскую почву концепций и понятий, сформулированных их американскими коллегами, а изучая, описывая и анализируя те уникаль-

ные сугубо израильские феномены, подобных которым в той же Америке или Западной Европе не было и нет.

В 1997 г. одним из ведущих международных обществоведческих журналов, «*Contemporary Sociology*» [«Современная социология»], было выпущено два специальных номера, объединенных «сквозной» темой «Развитие социологии в разных странах мира». В них были опубликованы более двадцати статей, в которых в сжатой форме анализируется состояние общественных наук в различных государствах планеты (все без исключения статьи были посвящены положению дел в этой области в какой-то одной стране)¹⁷, в их написании приняли участие наиболее известные специалисты; так, например, эссе о развитии французской социологии написал профессор Мишель Вевьорка (Michel Wieviorka), статью о канадской социологии – Роберт Брим (Robert Brym) и так далее. Статья об Израиле была написана Нахманом Бен-Иехудой (Nachman Ben-Yehuda), ставшим в 2001 г. деканом факультета общественных наук Еврейского университета в Иерусалиме. В этой панорамной статье в одном из самых престижных международных научных журналов Н. Бен-Иехуда утверждает, что «большинство израильских социологов опираются на теоретические и методологические концепции, разработанные за пределами Израиля»¹⁸. По его мнению, это и естественно, и оправданно, особенно принимая во внимание широко известный тезис ныне покойного иерусалимского социолога Йосефа Бен-Давида (Joseph Ben-David) о невозможности существования подлинно «большой науки» в «маленькой стране». Я полагаю, что справедливо отмеченный Н. Бен-Иехудой факт является хоть и весьма прискорбным, но имеющим место, однако оправдания этого факта представляются мне в корне ошибочными. Я убежден, что, во-первых, израильский случай не имеет аналогов в мировом обществоведении, и потому к нему не применимы «универсальные» (а в реальности, американо-центристские) теоретические модели. Во-вторых, я считаю, что именно анализ этих сугубо местных фено-

менов общественно-политической и культурной жизни уникальной во многих отношениях «маленькой страны» способен в значительно большей степени, чем обратная стратегия, способствовать упрочению статуса науки этой страны во всемирном научном пространстве.

Обзор опубликованных в последние годы книг и статей по истории израильского общества показывает, что их авторы совершенно осознанно рассматривают израильский опыт в соответствии с достаточно абстрактными, как бы общетеоретическими моделями, игнорируя уникальные аспекты сионистского ренессанса, которые в эти модели не вписываются. Например, Майкл Барнетт (Michael N. Barnett), ответственный редактор опубликованного Нью-Йоркским университетом сборника «Израиль в сравнительной перспективе», определил цель этой книги в том, чтобы показать, «как можно обогатить наше понимание процессов, происходящих в этом регионе, используя модели и теории, разработанные в других регионах, что позволит пересмотреть [сложившуюся] историю Израиля». М. Барнетт не сомневается: «то, что подходит для израильского случая, подходит и для других стран», ибо «даже если Израиль не вполне отвечает многим концептуальным ограничениям, это не означает его уникальности»¹⁹. Стремление развенчать «миф» об уникальности Израиля доминирует во многих десятках книг и статей, число которых растет год от года.

Вопрос о том, когда именно «история» Израиля перешла в «современность», когда кончилось «прошлое» и началось «настоящее», едва ли имеет однозначный ответ. Более или менее очевидно, что социально-политическая история еврейского демократического государства началась задолго до его официального провозглашения в 1948 г., ибо практически вся инфраструктура будущего государства к этому времени уже была сформирована и успешно функционировала. Представляется, что отправной точкой истории еврейского государства (речь идет, конечно, о Государстве Израиль, а не об объединенном царстве в период правления Саула, Давида и Соломона в X – XI веках до но-

вой эры и существовавших после произошедшего в 928 г. до н. э. раскола Израильском и Иудейском царствах) является не формальное провозглашение политического суверенитета, а появление на исторической арене движения, в недрах которого сформировалась идеология (вос)создания еврейской государственности. Иными словами, отсчет истории современного Израиля можно так или иначе вести с середины 90-х годов XIX века, с момента появления политического сионизма как организованного движения, объединяющего некоторое количество приверженцев в разных странах, признающих единое руководство. Конечно, идеи, касавшиеся еврейского возвращения в Сион и даже создания еврейского государства, высказывались и ранее, возникали всевозможные кружки, в том числе и так называемых «палестинофилов», но практическое воплощение этих идей в эпоху, предшествовавшую деятельности Теодора Герцля, было столь ограниченным, что едва ли правомерно считать то Государство Израиль, которое существует в настоящее время, их детищем. Верно, что и сам Т. Герцль, и многие другие активисты созданной им Сионистской организации выражали согласие с идеей создания еврейского государства за пределами Палестины/Эрец-Исраэль: факт, что Угандийский проект был окончательно отклонен Седьмым Сионистским конгрессом лишь после смерти Т. Герцля, и далеко не очевидно, что события бы развивались именно таким образом и в случае, если бы его преждевременная кончина не привела бы к кадровым перестановкам в руководстве сионистского движения. Более того, многие в сионистском руководстве отнюдь не были горячими сторонниками самой идеи государственности, выступая за развитие еврейского национального движения как движения преимущественно духовного, а не политического. Представляется, однако, что и те, и другие критики «сионистов Сиона» (как известно, именно так стали называть после 1903 г. тех, кто противился планам создания еврейского «национального очага» где бы то ни было за пределами Палестины/Эрец-Исраэль) руководствовались прагматическими, а не идео-

логическими соображениями, стремясь, условно говоря, не упустить синицу, находящуюся в руке, в погоне за журавлем, летящим высоко в небе. На ценностном уровне ни так называемые «территориалисты» во главе с И. Зангвилем (Israel Zangwill), ни основатели близкой к Ахад Ха'Аму Демократической фракции не были противниками идеи о (вос)создания еврейской государственности в Палестине/Эрец-Исраэль: спор касался самой возможности и оптимальных путей достижения этой цели, но не важности и целесообразности данной цели как таковой. Поэтому, несмотря на все разногласия в сионистском движении в 1897–1917 гг. (то есть от Первого Сионистского конгресса до Декларации Бальфура), несмотря на то, что идея создания еврейского «национального очага» в Палестине/Эрец-Исраэль не имела тогда признания ни правивших в стране властей Османской империи, ни иных мировых держав, деятельность сионистского движения в те годы вполне может рассматриваться как первый этап истории будущего «государства в пути», приведшей несколько десятилетий спустя к международному признанию независимого Государства Израиль.

Именно поэтому изучение и преподавание истории и социологии израильского общества должно в обязательном порядке включать рассмотрение уникальных особенностей еврейского национального движения на протяжении пятидесяти лет, предшествовавших (вос)созданию независимого еврейского демократического государства. Представляется, что среди этих особенностей следует выделить четыре феномена, ни один из которых не имеет аналогов в богатой и разнообразной истории национальных движений второй половины XIX – первой половины XX века. Их анализу и посвящены третья и четвертая главы настоящей книги, призванные продемонстрировать, что только рассматривая историю (вос)создания еврейской государственности как уникальный проект можно составить адекватное представление об истоках и структурооб-

разующих характеристиках еврейского демократического государства.

Глава 3. БЕЗ ОБЩНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ БАЗЫ: СИОНИЗМ И ИНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Европейский национализм сыграл важнейшую роль в формировании и развитии еврейского национального движения, став одновременно и «моделью для подражания», позволившей и евреям надеяться на реализацию своего права на коллективное самоопределение, и фактором, перечеркивавшим надежды на обретение гражданского и политического равноправия, столь характерные для евреев Западной и Центральной Европы в эпоху Просвещения. Как отмечает российский исследователь Е.Ю. Усова в статье «Национальная идея Государства Израиль», «для европейских евреев подъем национализма, с одной стороны, обернулся возрождением антисемитизма на новой, светско-националистической основе, что в значительной степени ставило под вопрос перспективы их дальнейшей интеграции в европейское общество, а с другой – продемонстрировал пример национальных движений, борющихся за национальное освобождение, независимость и создание национального государства»²⁰.

Несмотря на то, что сионизм появился на авансцене истории в период бурного расцвета национальных движений в различных регионах Европы, по многим параметрам он принципиально отличался от национальных движений других народов. Джон Холл (John A. Hall) в своем достаточно известном эссе «Национализмы: классификация и объяснение» справедливо указывал, что сформулировать единую, универсальную теорию национализма практически невозможно: «поскольку прошлое различно,

различаться должны и наши концепции о нем»²¹. И все же, большинству националистически ориентированных идеологий были присущи некие общие черты, и еврейское национальное движение, очевидным образом, выделялось своей обособленностью. Сошлемся в этой связи на мнение известнейшего британского историка Эрика Хобсбаума (Eric Hobsbawm): «Национализм, утвердившийся в качестве стандартного варианта национальной идеологии и программы, имел, как правило, территориальный характер и использовал в качестве модели государственного устройства территориальное государство времен Французской революции (или подобный образец), позволявшее осуществлять полный политический контроль над территорией, имевшей четкие границы, и над ее обитателями, доступными такому контролю. Исключение, или своего рода крайность представлял сионизм»²².

Начнем с того, что *в момент зарождения сионизма евреи не представляли собой группу, компактно расселенную ни на той территории, на суверенитет над которой они претендовали (будь то Палестина/Эрец-Исраэль или любой из проектов основанной И. Зангвилем в 1905 г. Еврейской территориалистской организации), ни на какой-то другой, четко очерченной, территории.* В сионистском руководстве времен Т. Герцля были представлены и живший с 1887 г. в Кёльне уроженец Ковенской губернии Давид Вольфсон, и живший в Париже уроженец Будапешта Макс Нордау, и живший в Одессе, а с 1907 г. – в Лондоне Ахад Ха'Ам, и лондонец (хотя и сын эмигрантов из Польши) Исраэль Зангвиль, и живший большую часть времени в Москве уроженец Могилевской губернии Менахем-Мендл Усышкин, и многие другие люди, жившие и работавшие в разных странах, как, кстати, и сам Т. Герцль, большая часть жизни которого протекала между Будапештом, Веной и Парижем, не считая многочисленных деловых поездок, география которых включала в себя и Российскую, и Османскую империи.

Британский социолог Энтони Смит (Anthony Smith), теоретическую схему которого иерусалимский историк Гидеон Шимони (Gideon Shimoni) адаптировал к изучению еврейского национализма²³, приводит три примера государств, в создании и политической жизни которых диаспоры играли (и продолжают играть) исключительную роль: Израиль, Армения и Греция. По его словам, значение, которое имели армянская, греческая и еврейская диаспоры в рождении «своих» национальных движений, превышало значение, которые играли в этом процессе жители «метрополий». Однако что можно считать «метрополией» применительно к тогдашней демографической карте мирового еврейства? Значительная часть греков на всем протяжении истории все же продолжала жить в Греции, а значительная часть армян – в Армении; и лишь у евреев для появления национального движения не было практически никакого пересечения демографической и территориальной базы. Единственным районом, в котором евреи составляли в то время значительную часть населения, была «черта оседлости» в Российской империи, но никто в еврейском национальном движении не связывал с этой территорией каких-либо надежд на обретение политического суверенитета. Где бы не предлагалось создать будущий «национальный очаг» еврейского народа (а варианты были, как известно, – от Аргентины до Биробиджана), о «черте оседлости» речь заведомо не шла.

Большинство национальных движений связывало этнополитическую идентичность с определенной территорией, однако только в случае сионизма речь шла о земле, на которой жило подавляющее меньшинство представителей нации, претендовавшей на суверенитет над ней. Общая численность евреев мира на рубеже XIX и XX веков оценивается демографами в 10 миллионов 600 человек²⁴ (7 миллионов 400 тысяч в Восточной Европе; 1 миллион 300 тысяч в Западной Европе; 600 тысяч в Азии и Африке; 1 миллион 100 тысяч в Северной Америке), однако в Палестине/Эрец-Исраэль проживали менее 0,5%

из них (данные за 1881 г. говорят о примерно 25 тысячах еврейских жителей; данные за 1900 г. – о примерно 50 тысячах; перепись, проведенная британским мандатными властями в 1922 г. – о почти 84 тысячах²⁵). Более того, хотя сравнительно небольшая еврейская община составляла лишь около 10% от общей численности жителей Палестины/Эрец-Исраэль, начиная с 1905 г. именно эта страна была объявлена сионистским движением единственно возможным местом воплощения еврейских национальных чаяний. Можно по-разному воспринимать и комментировать отношение отцов-основателей сионизма к тем группам населения, которые составляли в то время большинство жителей страны*, в чем-то не без оснований видя в нем одну из предпосылок нынешнего конфликта Израиля с палестинскими арабами, но игнорировать эту «экстерриториальную» уникальность сионизма совершенно невозможно.

В подавляющем большинстве национальных движений важная роль отводилась так называемому «национальному языку»; связь письменных языков с определенной территорией и возникшими на ней общественными институтами казалась очевидной. Порождение интеллигентов, «лингвистический национализм» был выпестован людьми пишущими и читающими, а не тем большинством, для кого язык был средством по большей части устного общения, но эта идеология была весьма быстро воспринята весьма широкими слоями общества. Как отмечает российский психолог И. Татаренко, процедура национальной идентификации является многоуровневым процессом и включает в себя несколько этапов, первыми из которых является фаза этнодифференциации (в рамках которой осуществляется классификация и собственно

* При этом важно отметить, что едва ли можно говорить о существовании в то время этнонациональной группы собственно палестинских арабов, ибо местные арабы воспринимали себя скорее как жители Южной Сирии.

идентификация, являющиеся основанием для формирования оппозиции «мы – они») и фаза «формирования образов», когда происходит «приписывание» этническим общностям (и «своей», и «чужим») определенных культурных, статусных и иных характеристик²⁶. «Национальный» язык являлся и является одним из основных компонентов в процессе этнодифференциации, его роль в «формировании образов» различных этнонациональных групп очень высока. *В противовес европейским национальным движениям, объединявшимся вокруг того или иного «национального языка», на котором говорили большинство членов этнонациональной общности, и только они (что позволило им объединяться, противопоставляя себя «другим»), сионизм выбрал в качестве «национального» языка не наиболее массовый по числу носителей среди евреев идиш (накануне второй мировой войны из 16 миллионов 500 тысяч евреев не менее 11 миллионов, т.е. более двух третей, владели языком идиш²⁷), а иврит, который сохранялся в качестве разговорного языка в Иудее лишь до II века новой эры (самое позднее – до IV века новой эры), а в Галилее вышел из разговорного употребления еще раньше. Хотя иврит сохранялся как язык религии и письменности, он перестал быть средством устного общения почти за два тысячелетия до появления сионистского движения. До 1880 г. ни в одной из еврейских общин мира иврит не использовался для повседневного общения, его часто называли мертвым языком, «похороненным под переплетами древних священных книг»²⁸. Возрождение иврита представляет собой совершенно уникальное явление, не имеющее прецедентов в истории иных национальных движений, хотя некоторые из них и пытались «поднять на щит» свое языковое наследие. Оценивая многие десятилетия борьбы разных народов за изменения языковой ситуации в местах их проживания, крупнейший из социолингвистов современности Джошуа Фишман (Joshua A. Fishman) приводит три наиболее удачных случая²⁹, но два других (разви-*

тие французского языка и культуры в Квебеке и возвращение каталанского в качестве основного языка в северо-восточных районах Испании) ни в коей мере не могут сравниться с возрождением иврита по сложности стоявшей задачи. Становление иврита как языка повседневного общения представляет собой не имеющий аналогов проект: крайне сложная задача была успешно решена в течение весьма короткого исторического периода.

Совершенно очевидно, что ни французский язык, на котором говорили и говорят десятки миллионов людей на всех континентах, ни каталанский, на котором говорит коренное население на территориях, ранее входивших в состав существовавшего с 1035 по 1479 гг. Королевства Арагон (на сегодняшний день – около 6 миллионов 500 тысяч человек), никак нельзя было считать «вышедшими из обращения». Как известно, французами были и первооткрыватель «пути в Канаду» моряк Жак Картье (1491–1557), направленный французским королем Франциском I в Новый Свет для поисков золота и морского прохода в Азию, который еще в 1535 г. на трех судах поднялся вверх по реке Святого Лаврентия до индейского селения Стадакона до того места, где теперь стоит город Квебек, и Самюзель де Шамплен, путешественник и государственный деятель, основавший в 1608 г. Квебек – старейший город Канады. В XVIII веке началось столкновение интересов, приведшее к ожесточенной борьбе англичан и французов не только на территории Канады, но и во всей Северной Америке, и, после длительной борьбы, Канада в 1763 г. стала английской колонией. Вместе с тем, со времени Конституции 1867 г. французский язык пользуется в Канаде теми же официальными правами, что и английский, и хотя вне Квебека французский занимал, как правило, второстепенное положение, в провинции Квебек оба языка – английский и французский – были практически равноправны. В учреждениях федерального правительства языком устного общения служит английский, хотя все документы и официальные выступления обяза-

тельно переводились и переводятся на французский язык³⁰. Поэтому, в отличие от тех задач, которые стояли перед идеологами воссоздания иврита как языка общения, лексический запас которого был бы адекватен современному миру, усилия приверженцев французского языка в Квебеке были направлены не на возрождение языка и не на придание ему разговорных функций (эти задачи вообще не стояли на повестке дня), а лишь на изменение его статуса относительно английского и предотвращение возможного сокращения использования французского языка в Канаде.

Подобным же образом процесс возрождения иврита не может быть уподоблен и процессам, связанным с возвращением каталанского как основного языка в северо-восточных районах Испании. Хотя с упразднением самоуправления в Каталонии в начале XVIII века административное использование каталанского языка прекратилось, что привело к его изъятию из системы начального и среднего образования, падение абсолютизма в 1830 г. и экономический подъем вернули каталанскому языку его роль в общественно-политической жизни. В 1907 г. Прат де ла Рибя (Prat de la Riba) создает Институт каталанских исследований (Institut d'Estudis Catalans), ставший кузницей интеллигенции той эпохи в Каталонии; несколько позже появилась Каталанская библиотека и, наконец, в 1913 г. филологическая секция Института исследований под руководством Пампеу Фабра (Pompeu Fabra) разработала новые орфографические нормы и современную грамматику каталанского языка. 25 сентября 1932 г. правительство Испании декретом предоставило Каталонии автономию с правом иметь собственный флаг, государственный язык и парламент; в том же году появился общий словарь каталанского языка, имевший нормативный характер³¹. Однако после окончания гражданской войны в Испании по каталанскому языку был нанесен новый удар: на всем протяжении почти сорокалетнего правления генерала Франсиско Франко (с 1936 по 1975 гг.) каталан-

ский язык, объявленный низшим относительно испанского (кастильского), был фактически удален из общественно-политической жизни. Большая часть издательств, газеты, журналы, кино, документооборот на предприятиях, образование в школах под давлением франкистской политики были вынуждены перейти на использование испанского языка, кастильский диалект которого был объявлен обязательным эталоном для всех регионов Испании. Тем не менее, каталанский язык продолжал оставаться языком общения людей, сохранялся и развивался, а в 1979 г., после установления демократии, каталанский язык стал официальным языком Каталонии – автономии, в состав которой вошли четыре провинции: Барселона, Льерида, Жирона и Таррагона, стали развиваться многочисленные на сегодняшний день печатные (а с 1984 г. – и электронные) СМИ на каталанском языке. Хотя государственный язык Испании, испанский, был и остается обязательным предметом в каждой школе, постепенно все школьное образование в Каталонии было переведено на каталанский. Не ставя под сомнение успешность проекта по возвращению каталанскому языку признанного общественно-политического статуса, отметим, что ивриту нужно было преодолеть период забвения (в качестве языка повседневной коммуникации), продолжительность которого более чем в сорок раз превышала период репрессий в отношении каталанского языка.

На протяжении периода продолжительностью менее чем в четверть века, иврит превратился из литературного языка немногочисленной элиты в язык современной нации, создававшей свое государство. Начиная с 1890-х гг. на иврите уже говорили в семьях и детских садах в многочисленных новых поселениях, созданных в Палестине/Эрец-Исраэль. В Тель-Авиве – первом еврейском городе, созданном сионистским движением (в 1909 г., изначально под названием Ахузат-Байт), иврит сразу же стал основным языком общения его жителей. В 1910 г. было завершено строительство гимназии «Герцлия» –

первой гимназии в мире, в которой преподавание всех предметов велось на иврите. Со временем на иврите заговорили во всех еврейских поселениях Палестины/Эрец-Исраэль, и, благодаря усилиям иммигрантов, говоривших между собой и со своими детьми именно на этом языке, а не, скажем, на идише, русском или польском, иврит уже в первом десятилетии XX века стал живым разговорным языком, еще до того, как появились первые ивритские школы³². Почти за четверть века до провозглашения независимости Израиля в стране возникло и два высших учебных заведения, преподавание в которых велось на иврите: Еврейский университет в Иерусалиме и Технологический институт в Хайфе (оба начали свою деятельность в 1924 г.). К 1948 г. иврит уже стал основным языком для большинства его еврейского населения и средством аккультурации и объединения групп иммигрантов, прибывавших в страну из Восточной и Центральной Европы, а также из других регионов мира.

В последние годы политика «ивритского монолингвизма» подвергается атакам, как минимум, с трех сторон. Во-первых, процессы американизации и, в более широком смысле, глобализации, оказывают на Израиль огромное влияние, значительно большее, чем на большинство стран Европы. Как результат, все большую роль в стране играет английский язык, который становится не только неотъемлемой частью языкового капитала большинства ее жителей, но и источником постоянных заимствований и изменения лексики иврита (англицизмы все больше вытесняют собственно ивритские термины и понятия, как «высокого» регистра, так и жаргонной речи). Во-вторых, для более чем 20% граждан Израиля родным языком является арабский; происходящие среди арабов (как мусульман, так и христиан) и бедуинов процессы «палестинизации» повсеместно приводят к вытеснению иврита как одного из двух важнейших языков в общественной сфере в этом секторе. В-третьих, выходцы из СССР/СНГ, прибывшие в Израиль в 1969–1980 гг. и после 1989 г., чис-

ленность которых составляет в настоящее время около 15% населения Израиля (в зависимости от системы подсчета)*, демонстрируют крайне низкую готовность использовать иврит вместо русского языка для коммуникации в семьях и общинных организациях. В результате, де-факто русский уже стал одним из основных языков в Израиле, на котором вещают местные (не говоря уже о транслируемых через спутник российских) теле- и радиостанции, издаются газеты, играют спектакли, работают кружки для детей школьного и дошкольного возраста и так далее. При этом иврит остается наиболее массовым (по числу носителей) языком в Израиле, фактическое использование которого несравнимо шире, чем каких-либо иных языков практически во всех сферах общественной жизни.

Представляется, что хотя в этой области и выполнено немало важных исследований, адекватный социологический анализ уникальных особенностей возникновения еврейского национального движения, членов и руководителей которого не отличала общность территориальной и языковой базы, является скорее исключением, чем правилом в изучении и преподавании новейшей (пред)истории израильского общества. Исследователями и преподавателями, как правило, игнорируются и другие уникальные черты сионизма, касающиеся его отношения к наследию прошлого и облику будущего устройства жизни народа, ради отстаивания интересов которого сионизм и появился на авансцене истории.

* Достаточно неоднозначным является ответ на вопрос, можно ли отнести к общине выходцев из СССР/СНГ примерно 100 тысяч человек, родившихся в Израиле в семьях, где оба или один из родителей – иммигранты/репатрианты в первом поколении.

Глава 4.
НЕ КАНОНИЗИРУЯ ПРОШЛОЕ,
СОЗИДАЯ ИНОЕ БУДУЩЕЕ:
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
СОЦИАЛ-РЕФОРМАТОРСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ ВОССОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Представляется крайне важным отметить, что в сионизме доминировало совершенно иное отношение к прошлому и к традициям, чем то, что было присуще другим национальным движениям, в которых ключевым было понятие исторической преемственности. «Каждый духовный образ находится, по сути своей, в универсальном историческом пространстве или в особом единстве исторического времени по сосуществованию и последовательности, у него есть история. Прослеживаем ли мы исторические взаимосвязи, отправляясь, как это необходимо, от нас самих и наших наций, историческая преемственность ведет нас все дальше от нас к соседним нациям и так от наций к нациям, от эпох к эпохам», – утверждал немецкий философ Эдмунд Гуссерль (Edmund Husserl, 1859–1938) семь десятилетий назад³³. Вне связи с тем, насколько это соответствует или нет тому, что мы знаем о ходе истории, нация представляется нам как протяженное во времени сообщество со своим прошлым, настоящим и будущим, – констатирует Бенедикт Андерсон (Benedict Anderson) в своей ставшей знаменитой книге «Воображаемые сообщества». «Сознание помещенности в мирской, последовательно поступательный поток времени, со всей вытекающей отсюда непрерывностью ... рождает потребность в нарративе “идентичности”»³⁴.

Документы разных националистических движений, появившиеся в разные периоды в разных местах, в сущности, очень похожи между собой: их главный тезис состоит в том, что без исторической преемственности невозможно формирование ни отдельной полноценной личности, ни само существование народа. Дабы не повторять хрестоматийно известные примеры, приведем несколько реже цитирующиеся фрагменты. «Национальное творчество есть не только совокупность творчества современников, но и творческое наследие всех предыдущих поколений. В нации сливается творческая устремленность современников, в нации осуществляется историческая преемственность», – гласила программа эмигрантского Национально-трудового союза российских солидаристов, принятая в 1942 г.³⁵ «Сегодня мы, приняв эстафету у предков, возводим свое новое государство, сила которого – в преемственности. Наше государство, к которому мы так долго шли, по сути своей есть носитель и продолжатель исторической традиции туркмен жить и собираться в одном доме», – утверждает «отец всех туркмен» Сапармурат Ниязов в выпущенной им книги «Рухнама»³⁶. «Духовное богатство формируется веками, тысячелетиями и обеспечивает преемственность поколений, основу национального духа, развитие нации», – настаивает в газете «Северная Осетия» представитель греческой диаспоры³⁷. Чиновники метрополии вполне разделяют его мысли и чувства: «Политика греческого государства в области образования преследует одну основную цель – сохранение и развитие чувства принадлежности к греческой нации, а также осознание культурной преемственности всех поколений греков, независимо от места их проживания», – разъясняет документ Министерства национального просвещения и религиозных культов Греции.

Совершенно иначе было сформулировано отношение к прошлому в сионизме. Вместо возвеличивания сложившихся обычаев и традиций как духовной базы для обретения политического суверенитета, буквально во всех направ-

лениях сионистской мысли (и среди сторонников и последователей Т. Герцля, и Ахад Ха'Ама, и В.Е. Жаботинского, и раввина А.И. Кука) присутствовала концепция разрыва с прошлым, «отрицания диаспоры». Известный израильский историк и общественный деятель Бен-Цион Динур (Ben-Zion Dinur, 1884–1973) справедливо охарактеризовал доминировавший в раннем сионизме подход как «восстание против галута», которое «придало всему движению характер ... глубокой революции»³⁸. Т. Герцль видел в репатриации всех еврейских общин рассеяния в Палестину/Эрец-Исраэль и создании там государства евреев единственное средство, способное победить антисемитизм, обеспечить продолжение существования евреев как народа. Критикуя в газете «Ха'Шахар» роман Т. Герцля «Altneuland» [«Возрожденная древняя страна»], опубликованный в 1902 г., Ахад Ха'Ам (1856–1927) верно определил самую суть мировоззрения основоположника политического сионизма: «Итак, третьего не дано: либо мы естественным путем – то есть постепенно – заселяем Палестину (и тогда очевидно, что большая часть нашего народа останется в странах своего проживания, где продолжит конкурировать с местными жителями, а еврейская проблема так и останется нерешенной), либо вследствие массовой эмиграции большинство евреев в короткий срок покинут страны диаспоры и одновременно соберутся в Палестине»³⁹.

Однако насколько сам Ахад Ха'Ам, неоднократно бывавший в Палестине/Эрец-Исраэль, а в 1922 г. переселившийся в нее, был сторонником сохранения еврейской жизни в диаспоре? Представляется, что исключительно в качестве временной меры, ибо о «поиске полного решения проблемы за пределами диаспоры» он писал еще в 1909 г. Называя «доктрину, утверждающую невозможность еврейской жизни в диаспоре», «опасной», Ахад Ха'Ам при этом констатировал: «Рассеяние есть явное зло, оно тягостно... Исход из рассеяния всегда будет, как и всегда был, надеждою, вдохновляющей мечты об отдаленном будущем»⁴⁰.

В речи на учредительном съезде Новой Сионистской организации в сентябре 1935 г. В.Е. Жаботинский (1880–1940) предложил в качестве решения еврейского вопроса «исход из Египта». Его биограф, Йосеф Недава (Joseph Nedava), подчеркивал: «В Польше в 1936–1939 гг. Жаботинский не переставал проповедовать “эвакуацию” – тотальный исход из диаспоры. Его кампания, вызвавшая возмущение среди польского еврейства, проводилась под лозунгом: “Евреи, уничтожьте диаспору, или она уничтожит вас!”»⁴¹. Владимиру Жаботинскому, светскому либералу, вторил и основоположник религиозного сионизма раввин Авраам Ицхак Кук (1865–1935), мечтавший о будущем, «когда Израиль освободится от оков диаспоры и достигнет полного развития своих сил...»⁴². *Сионизм, в отличие от других, консервативных по своему характеру, национальных движений, был проектом революционным*⁴³, поставившим своей целью не конструирование исторической преемственности, а создание «нового человека» на земле, утерянной еврейским народом за многие столетия до этого.

Чехи, поляки, и другие европейские народы объявили, что политическая независимость от иностранных правителей и угнетателей – будь то русский царь, император из династии Габсбургов или оттоманский султан – нужна им для того, чтобы жить согласно своим исконным обычаям. Сионистское движение представляло собой совершенно иной случай, ибо оно не только не романтизировало существующие обычаи евреев и образ их жизни, но и всячески призывало изменить их.

В своей имевшей большое влияние статье «Разрушать и строить» (1903) Миха Йосеф Бердичевский (1865–1921) призывал евреев порвать с тем, что было основой основ их коллективного самосознания – иудаизмом. «Сердца наши, жаждущие жизни, чувствуют, что для воскрешения Израиля нужна революция: евреи должны занять первое место, стать выше иудаизма, наследие предков должно уступить первенство живому человеку, –

утверждал М. Бердичевский. – ... Нам нужны не реформы, а переоценка ценностей, коренная переоценка всего нашего образа жизни, мышления, самих наших душ. ... Пора нам перестать быть только скрижалями, на коих записаны слова древних книг, дабы передавать их из поколение в поколение, все дальше и дальше... Мы – последние евреи – или первые ростки новой нации»⁴⁴.

Идея создания в Палестине/Эрец-Исраэль «новой еврейской нации» имела несколько, при том существенно различных, выражений. Наиболее крайней версией концепции «отрицания диаспоры» стала ханаанейская идеология, сформулированная небольшой группой молодых еврейских интеллектуалов в 1940-х годах. Идейные истоки «ханаанейства» прослеживаются в присущем раннему светскому сионизму отторжении еврейской религиозной традиции, отождествлявшейся с психологией *галута* [«изгнания»]. К концу периода британского мандата и в первые годы существования государства «ханаанейцы» выработали культурно-политическую идеологию, главным положением которой было противопоставление формирующейся в Израиле новой нации, *иврим*, евреям стран рассеяния. Новая нация, согласно этой идеологии, состоит из уроженцев страны независимо от их вероисповедания, а также из иммигрантов, желающих влиться в ее состав. Культурные истоки новой нации «ханаанейцы» искали в цивилизации языческих племен, населявших Древний Восток до возникновения иудаизма. Они отвергали культуру еврейства диаспоры и сам термин «евреи» (*иехудим*) как означающий лишь последователей определенной религии, но не членов нации⁴⁵. Трудно найти что-то столь же противоречащее привычным националистическим идеологиям, построенным на возвеличивании прошлого и включении общин диаспоры в историческую ткань «воображаемого сообщества» нации, как идеология «ханаанейства», отвергавшая почти полностью наследие еврейских общин диаспоры.

Сионизм отличало не только его уникальное отношение к прошлому, но и не имеющее аналогов отношение к будущему. Цитировавшийся выше Энтони Смит справедливо отмечает, что «у национализма нет своей теории относительно того, как может быть реализована воля нации или образованы ее границы; для решения этих задач он нуждается в других идеологиях, от либерализма до коммунизма и расизма. Базовые доктрины национализма дают всего лишь схему социального и политического миропорядка, которая должна быть заполнена благодаря другим системам идей и конкретным обстоятельствам, в которых оказывается то или иное сообщество»⁴⁶. Похожее утверждение формулирует Фрэнсис Фукуяма (Francis Fukuyama): «Подавляющее большинство националистических движений в мире не имеет политической программы и сводится к стремлению обрести независимость от какой-то группы или народа, не предлагая при этом сколько-нибудь продуманных проектов социально-экономической организации»⁴⁷. Национальные движения имели своей целью либо освобождение какой-либо нации от иноземного владычества, либо объединение частей нации, находившихся под властью нескольких государств. Таковы были движения греков против турецкого владычества, итальянцев против австрийцев и за объединение итальянских государств, балканских славян против турок, немцев за объединение Германии и так далее. Ни у одного из этих национальных движений не было какой-либо социал-реформистской программы.

Сионизм представлял собой едва ли не единственное течение в истории национальных движений новейшего времени, в котором доминировала идея одновременной реализации и национальных, и социальных целей и идеалов. Как бы мы не относились сегодня к так называемым «социалистическим пережиткам» в израильском обществе и экономике, факт состоит в том, что и в глазах Теодора Герцля, и в глазах отцов-основателей так называемого «рабочего движения» (Аарона-Давида Гордона,

Берла Кацнельсона, Давида Бен-Гуриона, Пинхаса Лавона, Ицхака Табенкина и других), доминировавшего и в ишуве, и на протяжении тридцати лет после обретения Израилем политической независимости, (вос)создание еврейского государства выглядело осмысленным только в том случае, если это будет не просто еще одно национальное государство, но общество, построенное на основе принципов социальной справедливости, в том числе и по отношению к живущим в стране представителям иных национальностей – и этот факт ставит сионизм особняком в контексте развития общественной мысли конца XIX – начала XX века. Еврейское национальное движение – едва ли не единственное, которое сочетало национально-освободительный и социальный компоненты. Предпринятая в последующие годы попытка создания полностью эгалитарного общества (киббуцы), реализовавшаяся и просуществовавшая на протяжении нескольких десятилетий, не имеет аналогов в мире.

Как правило, национальные движения никак не были связаны с социал-реформизмом, за немногими исключениями, такими как, например, «австромарксизм», идеологи которого (Карл Реннер, Отто Бауэр, Макс Адлер, Густав Экштейн, Рудольф Гильфердинг и другие) отстаивали теорию культурно-национальной автономии, не учитывающей территориального расселения нации, выступая за развитие чешским, хорватским и венгерским пролетариатом собственных рамок социально-политической деятельности и не навязывая им немецкий язык господствующих слоев. Отто Бауэр (Otto Bauer, 1882–1938), лидер радикального крыла Австрийской социал-демократической партии, своими воззрениями явно выделялся из анти-националистического духа марксистской теории. Карл Маркс утверждал, что национализм – изобретение буржуазии, чуждое рабочему классу, который по образу своего труда и быта является интернационалистом *par excellence*. Согласно Марксу, солидарность рабочего класса одной страны распространяется на рабочие классы других стран, а

не на свою по национальности буржуазию. В противовес этому, Отто Бауэр писал: «Вовлечение всего народа в национальную культурную общность, завоевание нацией полного самоопределения, увеличивающаяся духовная дифференциация наций – вот что означает социализм»⁴⁸. Но «прежде чем стать полной и истинной, самоопределяющейся культурной общностью, нация должна стать общностью труда»⁴⁹. Австромарксизм был движением социалистическим в значительно большей мере, чем национальным, хотя, например, И. Сталин в своей известной работе «Марксизм и национальный вопрос» резко критиковал его, утверждая, что «так называемая “эволюционно-национальная” политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой пролетариата. Попытка Бауэра отождествить свою “эволюционно-национальную” политику с политикой “современного рабочего класса” является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций». И. Сталин, на долгие годы ставший бесспорным политическим лидером единственной в то время страны, официально провозгласившей своей целью строительство социализма, еще в 1913 г. постулировал, что национальные движения «в существе своем» являются «буржуазными» и «естественно связаны с судьбой буржуазии»⁵⁰. Критике подвергались даже и социалистические организации пролетариата, сформированные по национальному признаку, ибо «рабочие прежде всего – члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма. ... Поэтому интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма». Напротив, «организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчеркивается не общее между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. Здесь рабочий прежде всего – член своей нации: еврей, поляк и т.д. ... Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и закоснения [так в тексте]»⁵¹. Отсю-

да следовал «принцип [исключительно] интернационального сплочения рабочих как необходимый пункт в решении национального вопроса»⁵².

В первой половине XX века еврейская община Палестины/Эрец-Исраэль была вторым – после Советского Союза – наиболее социалистически ориентированным обществом в мире⁵³, причем, вопреки декларированной анти-националистической политике большевистской партии, ишув был зримым воплощением именно национального движения, ни в коей мере не отказывавшимся от своей борьбы за создание именно национального государства. В еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль были и политические силы, которые ставили во главу угла классовую борьбу и видели в ней путь к установлению социализма, пусть и ценой отказа от создания национального государства (например, коммунисты и левый фланг партии *Поалей Цион*), но они находились вне политического консенсуса и их влияние на происходящие события было пренебрежимо мало. Разумеется, невозможно утверждать, что все направления сионистского движения начертали на своих знаменах идеи социального реформаторства (скажем, Владимир Жаботинский был весьма и весьма далек от них), однако непреложный факт состоит в том, что эти воззрения доминировали в «магистральном направлении» сионистской идеологии.

Уже Т. Герцль в книге «Еврейское государство», написанной в 1896 г., уделил большое внимание социальным вопросам. Основоположника «политического сионизма» интересовало не только само создание еврейского государства, но и то, чтобы в этом государстве был семичасовой рабочий день, который будет разбит на две части по три с половиной часа каждая. «Нам нужен семичасовой рабочий день как всемирный лозунг для собирания наших людей, которые ведь по собственной воле должны приходить к нам. Это должна быть в самом деле обетованная страна», – подчеркивал Т. Герцль⁵⁴. «В продолжение трех с половиной часов, без перерыва, здоровый человек мо-

жет работать усиленно. После перерыва в три с половиной часа, посвященного отдыху, семье, дальнейшему образованию, он опять вполне бодр». Т. Герцль особо оговаривал, что «тот, кто работает более семи часов, получает за добавочные часы и добавочное вознаграждение в деньгах. ... Работа сверх положенных семи часов не должна продолжаться более трех часов, и то только после медицинского осмотра рабочего». Т. Герцль также упоминал о необходимости заботиться о неспособных к труду, об освобождении женщин от тяжелых работ и освобождении беременных женщин от любых работ вообще⁵⁵. Флаг, который он предлагал для будущего еврейского государства, являлся отражением его социальных чаяний: «Белый флаг с семью золотыми звездами, где белое поле символически обозначало бы собою новую светлую жизнь, а звезды – наш семичасовой рабочий день, ибо во имя труда евреи едут в новую страну»⁵⁶.

В своем утопическом романе «Altneuland» [«Возрожденная древняя страна»], опубликованном шесть лет спустя, Т. Герцль обозначил целый ряд черт будущего социально ориентированного еврейского государства. «Больницы, санатории, детские сады, дешевые кухни, словом, все благотворительные учреждения, какие вы знали уже в Европе, объединены у нас общим управлением. Благодаря такой организации есть возможность помочь каждому нуждающемуся, каждому больному. Правда, у нас к благотворительности не предъявляются такие строгие требования, как в европейских странах, потому что у нас экономическое положение народа гораздо лучше. ... У нас каждый гражданин имеет право на работу, следовательно, и на хлеб. ... Неимущий больной должен только сделать заявление в благотворительный комитет. В помощи никогда никому не отказывают. ... В наших школах нет никаких отличий меж воспитанниками, кроме степеней таланта и трудолюбия, и каждому воздается должное по его заслугам. Но условия для всех одинаковы. В прежние времена дети отвечали за неудачи своих родителей, не имевших

возможности давать им образование... У нас всем представлена возможность учиться. И во всех наших учебных заведениях, начиная от начальных школ и кончая университетом, обучение бесплатное», – так описывал Т. Герцль то еврейское государство в Палестине/Эрец-Исраэль (то, что действие романа происходит именно там, а не в Уганде или где бы то ни было еще, сомнению не подлежит), к созданию которого он призывал⁵⁷. «В Новой общине царила прежде всего свобода совести, – подчеркивал Т. Герцль устами своего героя. – Каждый мог молиться своему Богу, и искал ли он единения с Ним в храме иудейском, в церкви, в мечети, в художественных музеях или филармонических концертах, этого вопроса община совершенно не касалась»⁵⁸. Эта конфессиональная (и, как неизбежное следствие, национальная) толерантность основоположника националистического движения представляется поистине удивительной.

Еще зимой 1905 г., за двенадцать лет до Декларации Бальфура, ставшей первым правовым документом, признавшим возможность создания еврейского «национального очага» в Палестине/Эрец-Исраэль, в стране появились две социалистические партии: *Ха'поэль ха'цаир* [«Молодой рабочий»], которая первоначально насчитывала 90 членов-последователей Бера Борохова (1881–1917), и *Поалей Цион* [«Рабочие Сиона»], в которой первое время состояло 60 человек-последователей Ахарона Давида Гордона (1856–1922). Постепенно численность этих партий росла, в 1919 г. *Поалей Цион* стала одной из основательниц партии *Ахдут ха'авода* [«Единство труда»], которая стала самой большой в *ишуве*. В 1930 г., через двадцать пять лет после создания первых еврейских социалистических партий в Палестине/Эрец-Исраэль, произошло объединение партий *Ха'поэль ха'цаир* и *Ахдут ха'авода*, что привело к созданию сильной социал-демократической партии МАПАЙ (Партии Труда), доминировавшей в израильской политике до второй половины 1970-х годов. Показательно, что в 1930-е – 1940-е годы главными политическими конкурен-

тами социал-демократов были не правые и даже не центристы, а левые социалисты, до 1948 г. состоявшие в партиях *Ха'шомер ха'цаир* [«Молодой страж», создана в 1919 г.] и *Поалей Цион-смоль* [«Рабочие Сиона» – левое крыло, создана в 1923 г.], а незадолго до выборов в Кнессет первого созыва объединившиеся в Объединенную рабочую партию (МАПАМ)⁵⁹. Показательно, что именно социал-демократическая партия МАПАЙ (Партия Труда) и социалистическая партия МАПАМ заняли первое и второе места на выборах в первый Кнессет, завоевав в сумме более половины мест в нем. В. Лакер справедливо отмечает, что «именно Партия Труда сформировала характер всего [сионистского] движения, а впоследствии – и Государства Израиль, повлияв на него в большей степени, чем какая-либо другая группа»⁶⁰.

Еврейские социалистические партии возникли в Палестине/Эрец-Исраэль в период, когда еще практически не существовало не только государственной, но и общинной инфраструктуры. Именно эти партии так называемого «рабочего движения», сочетавшие национальные и социалистические идеалы, создали и политическую, и экономическую основу будущего Государства Израиль. Показательно, что наиболее влиятельной организацией, сыгравшей центральную роль в создании инфраструктуры будущего независимого еврейского государства (по крайней мере, в социально-экономической сфере) была созданная в 1920 г. Федерация профсоюзов (Гистадрут), которой, в свою очередь, принадлежали многопрофильные концерны «Кур» и «Хеврат ха'овдим» [«Рабочая компания»], страховая компания «Ха'сне», строительные компании «Солель боне» и «Шикун овдим» [«Строительство для трудящихся»], молочный концерн «Тнува», газета «Давар» [«Слово»] и т.д., что стало зримым, хотя и несколько декларативным, воплощением социалистического тезиса о собственности работников на средства производства. Нельзя не упомянуть и о таких коммунистических проектах, как создание киббуцев (первый из них –

Дгания – был основан в 1909 г.) и рабочих коммун, крупнейшей из которых была «Гдуд ха'авода» [«Рабочий батальон»], созданная в 1920 г. Несмотря на то, что численность членов киббуцев и рабочих коммун была невелика даже по меркам тогдашнего сравнительно небольшого населения ишува, эти проекты занимали виднейшее место в формировавшемся коллективном сознании будущего израильского общества. *Ни в каком другом национальном движении социал-реформистские идеи и близко не играли той роли, которую они играли в сионизме, какой бы острой не была постоянно звучавшая критика о забвении потомками «пионеров» второй алии идей Б. Борохова и А.-Д. Гордона.*

* * *

Подведем предварительные итоги. Будь то в том, что касается возрождения иврита – в сравнении с другим наиболее удачным примером языкового ренессанса – возрождения каталанского, либо в том, что касается сочетания национальных и социал-реформистских идеалов – в сравнении с австромарксизмом, как наиболее близкой доктриной, сопоставление в данной работе уникальных составляющих процесса (нового) появления Израиля с наиболее похожими на них примерами из истории конца XIX – первой половины XX века отчетливо демонстрирует, насколько уникален сионизм как явление новейшей эпохи. Возникнув без очевидной территориальной и языковой общности своих лидеров и сторонников, еврейское национальное движение относилось и к прошлому, и к будущему совершенно иначе, чем любые другие национальные движения того времени. Компаративистский подход, на необходимости которого настаивают преимущественно авторы «пост-сионистской» ориентации, в противовес их утверждениям, ни в коей мере не отрицает уникальности процесса (вос)создания Израиля, а лишь подчеркивает его.

Как отмечает Й. Дан, «возвращение евреев в свою страну рассматривается врагами Израиля как рудиментарное проявление колониализма. Согласно такому подходу, уничтожение Израиля явится естественной частью общего мирового процесса, в рамках которого аборигены возвращают себе захваченные колониалистами земли. Друзья Израиля заявляют в ответ, что еврейское государство создано рассеянным и гонимым народом, который вернул себе родину, отнятую у него две тысячи лет назад. Но тем самым – и это следует понимать – они отрицают «нормальный», светский характер нашей страны, поскольку, кроме Израиля, в мире нет государства, возникшего из идеи собирания изгнанников. ... В истории нет прецедента подобному возвращению народа на отторгнутую у него землю»⁶¹.

Исследователи и преподаватели новейшей истории в целом и истории сионизма – в частности, как работающие в Израиле, так и в еще большей степени – в странах диаспоры, могут значительно продвинуться к адекватному пониманию процессов, происходивших в Палестине/Эрец-Исраэль в первой половине XX века, если они будут относиться к ним не как к одной из возможных иллюстраций к той или иной теории, а как к беспрецедентному явлению, не имеющему аналогов и параллелей. Общие теории можно иллюстрировать различными, зачастую взаимозаменяемыми, примерами; рассмотрение процесса (воз)рождения еврейской государственности невозможно заменить никаким другим примером – просто потому, что этот процесс проходил совершенно иначе, чем любой другой проект национального или социального строительства в новейшей истории.

Глава 5.
ОТ ПРОШЛОГО – К НАСТОЯЩЕМУ:
ПОЯВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ
«ПОСТ-СИОНИЗМА» И ЕЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ
В АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОФИЦИОЗ

Едва ли когда-либо будет найден ответ на вопрос о том, кто и когда изобрел «пост-сионизм», так же как сегодня лишь немногочисленному числу историков известно, что сам термин «сионизм» был введен в обращение в 1892 г. совершенно забытым ныне Натаном Бирнбаумом (Nathan Birnbaum, 1864–1937)⁶², первым генеральным секретарем международной еврейской религиозной организации «Агудат Исраэль». Важнее, однако, другое: понять, как и когда «пост-сионизм» превратился из маргинального течения, возникшего на пересечении неомарксистской и антиколониалистской идеологий, в доминирующую доктрину историко-социологических исследований развития еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль в первой половине двадцатого века и Государства Израиль после 1948 года.

Со времени публикации на иврите фундаментальной антологии «Израильское общество: критические взгляды», включившей в себя избранные труды леворадикальных социологов, прошло уже двенадцать лет. Этот сборник исследований и эссе можно с полным основанием рассматривать как поворотный пункт в академических исследованиях израильской истории и общественно-политической жизни – после многих лет разрозненных атак на «сионистскую мифологию» этот сборник представил своего рода «альтернативное каноническое прочтение» (вос)создания еврейской государственности – так,

как этот процесс видят «классики» «несионистской социологии». Собранные под одной обложкой труды посвящены отдельным из наиболее острых проблем Израиля: социальным, этническим и гендерным противоречиям, политической роли армии и иных силовых структур, конфликту с палестинскими арабами. Широкий тематический и персональный диапазон книги (авторы опубликованных в ней статей работают в разных университетах, как в Израиле, так и в США) не может, однако, ввести в заблуждение: «входным билетом» в это сообщество социологов был, как минимум, подчеркнуто критический, если не сказать – откровенно враждебный, подход по отношению к сионистскому государству и основополагающим компонентам его коллективного самосознания, внутренней и внешней политики.

Социолог Ури Рам (Uri Ram), тогда работавший в Хайфском университете, а ныне преподающий на кафедре бихевиористских наук Университета им. Бен-Гуриона в Негеве, в своем предисловии редактора следующим образом объясняет принципы, на которых базируется этот сборник:

«В течение долгого времени израильская социология казалась лишь монотонным эхом официальной идеологии. В этом плане она ненамного отличалась от других инструментов культурного воздействия на массы, таких как средства массовой информации, система образования или художественная литература. В 1970-е гг. ситуация начала меняться. В Израиле возникла и продолжает развиваться критическая социология, рассматривающая официальную идеологию как предмет исследования, а не как фундаментальную аксиому. Не подлежит сомнению, что критическая социология оказала решающее влияние на круг тем, привлекающих внимание современных исследователей общества. Доказательством этого и частью этой тенденции является книга, предлагаемая вашему вниманию»⁶³.

Если когда-то такие заявления и казались неоправданным преувеличением, то в последние несколько лет

они воспринимаются как поразительно точные. В течение последних десяти – пятнадцати лет социологи, называющие себя приверженцами так называемого «критического подхода» (как будто ранее отличительной чертой израильского обществоведения было апологетическое воспевание политики властей) и находившиеся до этого на относительно периферии академического истеблишмента, заняли в нем центральные позиции. Их леворадикальные взгляды и воззрения доминируют и в исследованиях по новейшей истории, и по социологии. Научная деятельность стала той площадкой, на которой они ведут свои идеологические войны с целью превращения радикальной марксистской и «пост-колониальной» идеологии в доминирующий императив в израильском обществе.

Значимость этой тенденции не стоит недооценивать: не будем забывать, что обществоведческие кафедры университетов готовят, среди прочего, и будущую управленческую элиту Государства Израиль, а потому едва ли может быть безразлично, какие взгляды и воззрения прививаются этой «элите завтрашнего дня» ее сегодняшними духовными и профессиональными наставниками. Многие из выпускников этих кафедр работают в аппарате правительственных учреждений и крупных общественных организациях, оказывая немалое влияние на формирование и реализацию государственной политики в различных сферах. Однако в студенческие годы, когда во многом и формируется мировоззрение, многие из этих людей оказываются под почти ультимативным влиянием радикальных идей, доминирующих в настоящее время на гуманитарных и обществоведческих факультетах университетов.

Более того: представители леворадикальной академической элиты сыграли центральную роль в «процессе Осло» в 1992–1993 гг., ведя закулисные переговоры там, где участие официальных представителей органов власти неминуемо бы вызвало масштабный правительственный кризис. Среди наиболее влиятельных членов «команды Осло» и «кабинета мира» Эхуда Барака была це-

лая плеяда историков и обществоведов: д-р Йосси Бейлин (Yossi Beilin), в прошлом – преподаватель политологии в Тель-Авивском университете; д-р Яир Хиршфельд (Yair Hirshfeld), доцент кафедры истории Ближнего Востока в Хайфском университете; д-р Рон Пундак (Ron Pundak), ныне – генеральный директор Центра мира Шимона Переса, в 1993–1999 гг. – научный сотрудник Института Трумэна в Еврейском университете в Иерусалиме; профессор Тель-Авивского университета Шломо Бен-Ами (Shlomo Ben-Ami) и другие. В ноябре 2003 г. д-р Й. Бейлин, д-р Р. Пундак, а также профессора экономики Арье Арнон (Arie Arnon) и Хаим Бен-Шахар (Haim Ben Schachar), профессор политической философии Юли Тамир (Yuli Tamir) и профессор политологии Менахем Клейн (Menachem Klein), вошли в инициативную группу участников так называемого Женевского соглашения. Это соглашение содержит ряд принципиальных уступок с израильской стороны, значительно более серьезных, чем даже те, на которые пошло правительство Э. Барака в ходе переговоров в Кэмп-Дэвиде и в Табе. Во-первых, это соглашение предполагает практически полную эвакуацию всех еврейских населенных пунктов, находящихся за «зеленой чертой»; единственное, что остается за Израилем, – Малле-Адумим, Гиват-Зеэв, поселения в районе Гуш-Эцион, а также поселения Элькана, Альфей-Менаше и Модиин-Илит. Женевское соглашение предусматривает эвакуацию около сотни поселений, в том числе города Ариэль и киббуцов и мошавов в Иорданской долине. Во-вторых, по этому соглашению палестинцам обещан полный раздел Иерусалима и создание двух отдельных муниципалитетов. В Женевском соглашении говорится и о разделе Старого города, причем под контролем Израиля должен остаться лишь один (из четырех) его кварталов. Предлагается также раздел Храмовой горы: участок у Стены Плача останется под контролем Израиля, а сама гора передается под палестинский суверенитет. В-третьих, согласно этому документу, Израиль в течение двух с поло-

виной лет обязуется освободить всех палестинских заключенных, вне зависимости от тяжести совершенных ими преступлений, в том числе лидеров террористических организаций и убийц⁶⁴. Многие десятки профессоров и преподавателей израильских университетов (преимущественно, с факультетов общественных и гуманитарных наук) выразили свою поддержку этому документу, и именно эти взгляды они излагают в своих статьях, на своих лекциях и семинарах. Д-р Й. Бейлин, профессор Ш. Бен-Ами и профессор Ю. Тамир получили посты в правительстве и Кнессете, личным примером демонстрируя нерушимость связей академической и политической элиты.

В сравнительно небольшой по объему книге, подобной этой, невозможно дать панорамную картину всего состояния израилеведческих исследований в мире, особенно принимая во внимание тот факт, что в них участвуют представители разных научных дисциплин: историки, политологи, специалисты по международным отношениям, социологи, этнографы, культурологи, востоковеды и т.д. Очевидно, что границы между этими сферами знания вполне проницаемы, и далеко не всегда можно четко и ясно определить дисциплинарную принадлежность той или иной работы того или иного автора, а факт, что он работает на некоей кафедре, слишком часто является не более чем выражением некоторой конъюнктуры на рынке труда, а потому не может считаться основанием для недвусмысленной профессиональной «идентификации». Поэтому в этой работе анализируется не состояние той или иной научной дисциплины в Израиле, а состояние израилеведения как целостной сферы исследовательской деятельности. Не будем забывать, что, во-первых, израильские ученые совсем не обязательно занимаются исследованиями израильского общества, а во-вторых, исследования израильского общества проводят не только израильские ученые. В связи с этим границы анализируемой в настоящей работе темы не могут не быть несколько размытыми, хотя большая часть приводимых здесь материалов так

или иначе связана с социологией, непосредственно являющейся наукой об обществе в современную эпоху. Подобная концентрация внимания именно на социологии оправдана еще и потому, что, выражаясь словами тель-авивского историка Шломо Занда (Shlomo Sand):

«Идеологические и институциональные ограничения, налагаемые на историков, занимающихся сионизмом и Израилем, обусловили появление исследователей, чьи работы отличались критическим сравнительным историческим подходом именно в среде социологов. «Первой ласточкой» такого социологического переосмысления истории была [изданная в 1983 г.] книга «Сионизм и территория» Баруха Киммерлинга (Baruch Kimmerling), отрицающая традиционную интерпретацию истории в духе конвенциональных концепций. Во многих отношениях ее дополняла [появившаяся в 1989 г.] книга Гершона Шафира (Gershon Shafir) «Земля, труд и истоки израильско-палестинского конфликта, 1882–1914». Г. Шафир не ограничился специфическими аспектами «освобождения» земли [*зеулат ха'карка* в классической израильской историографии], а уделил максимальное внимание развитию рынка труда в условиях господства сионистской идеологии. Поразительно, что именно социологический подход ... придал универсальную легитимацию отрицанию той исключительности, которую традиционная историография приписывает достижениям сионизма. Противодействие борьбе историографического истеблишмента за сохранение этой исключительности ... началось с неожиданной стороны»⁶⁵.

Парадоксальным, казалось бы, образом, в современном израилеведении исторические темы явно преобладают над актуальными: представители «критической» школы настолько посвятили себя задаче распространения своей радикальной идеологии, что теперь они заняты скорее переписыванием истории Израиля, чем исследованием его насущных сегодняшних проблем. Их склонность к развенчанию мифов в сочетании с приверженно-

стью к теориям, выдвинутым иностранными учеными применительно к совершенно иным по своим характеристикам социумам, делает невозможной сколько-нибудь серьезную дискуссию об уникальных аспектах жизни Израиля – я полагаю, что подобный подход приводит и авторов, и читателей к искаженному пониманию социальных феноменов израильского общества.

Хотя критический подход является одним из важнейших инструментов любого исследователя, – что безусловно признавали и приверженцы «традиционной» академической социологии, – его использование в идеологических целях не только подрывает авторитет израилеведения как научной дисциплины, но и приводит к отчуждению ученых-гуманитариев и обществоведов от общества, которое они призваны изучать. События, произошедшие в Ассоциации университетских преподавателей Великобритании с благословения и при поддержке живущих в Израиле профессиональных исследователей израильского общества, отчетливо демонстрируют, насколько велико может быть подобное отчуждение.

Глава 6. ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Задолго до того, как сторонники «критического подхода» добились своего нынешнего доминантного положения в академическом израилеведении, критический анализ уже стал неотъемлемой частью исследований, проводимых обществоведами. Основоположники израильской социологии, не чувствуя себя обязанными автоматически поддерживать взгляды политического истеблишмента, без колебаний критиковали политику правительства, когда считали ее ошибочной. Однако, в отличие от нынешних представителей так называемой «критической школы», отвергающих саму идею существования еврейского национального государства в Палестине/Эрец-Исраэль, исследователи 1950-х – 1960-х гг. иначе относились к основным принципам сионистской идеологии, сохраняя при этом независимость мышления и мировоззрения.

Научный интерес к еврейскому обществу, развивающемуся в Палестине/Эрец-Исраэль, возник еще в период британского мандата. В то время большинство исследователей, занимавшихся этой тематикой, жили в Европе, хотя некоторые ученые, жившие в подмандатной Палестине/Эрец-Исраэль и имевшие возможность изучать это общество изнутри, были авторами интереснейших научных трудов. В их числе были социолог и демограф Артур Руппин (Arthur Ruppin), переселившийся в Палестину/Эрец-Исраэль в 1908 г., антрополог Шломо Дов Гойтейн (Shlomo Dov Goitein), приехавший в 1923 г., и политолог Зигфрид Ландсхут (Siegfried Landshuth), который

иммигрировал в 1936 г. В 1947 г. в Еврейском университете в Иерусалиме была создана на тот момент единственная в стране кафедра социологии, ставшая «теплицей» для первого поколения ученых, наблюдавших и описывавших израильское общество изнутри и посвятивших свои труды анализу уникальных аспектов его социально-политической, экономической и культурной жизни. Среди наиболее известных книг, опубликованных основателями иерусалимской социологической школы израилеведческих исследований, можно назвать «Израильское общество» (1967 г.) Шмуэля-Ноаха Эйзенштадта (Shmuel N. Eisenstadt) и сборник статей «Социальная стратификация в Израиле» (1968 г.), вышедший под его редакцией, «Агрпромышленное планирование и сельскохозяйственные общины в Израиле» (1964 г.) Йосефа Бен-Давида, вышедшую на иврите книгу «Элиты еврейской общины в Эрец-Исраэль в годы британского мандата» (1981 г.) и на английском «Социальная мобильность в Израиле» (1969 г.) Моше Лиссака (Moshe Lissak), а также две очень известные книги, написанные им совместно с политологом Даном Горовицем (Dan Horowitz): «От ишува – к государству» (1978 г.) и «Кризис утопии. Перегруженная израильская политическая система» (1989 г.)⁶⁶.

В те далекие годы достаточно радикальные взгляды также находили свое выражение в академической и публицистической деятельности иерусалимской профессуры, хотя они и не имели тот вес и то значение, которое они имеют сегодня. В догосударственный период двое ученых, выступавших, вопреки позиции официальных органов сионистского движения, за создание в Палестине/Эрец-Исраэль не еврейского, а двунационального еврейско-арабского государства, получили звание профессоров социологии в Еврейском университете. Одним из них был Артур Рупин, возглавлявший в 1925–1929 гг. пацифистскую организацию «Брит Шалом» [«Союз Мира»], вторым – Мартин Бубер (Martin Buber), один из пятерки основателей возникшей в 1942 г. миротворческой ассоциации

«Единение» [«Ихуд»]. Важно, однако, отметить, что после смерти А. Руппина в 1943 г. и отставки М. Бубера с поста главы кафедры социологии в 1950 г. (после чего на это место был назначен 27-летний тогда Ш.-Н. Эйзенштадт), ведущие позиции в изучении израильского общества заняли ученые, придерживавшиеся совсем иных идеологических доктрин.

В это время доминирующей парадигмой в обществоведении, как в Израиле, так и в западном мире в целом, был функциональный подход, постулировавший принцип согласованности функционирования всех частей социума и принцип функциональной целесообразности всех социальных явлений*. Известное изречение В.В. Маяковского о том, что «если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно», лаконично передает самую суть функцио-

* Обществоведы, придерживающиеся функционального подхода, анализируют связи между социальной структурой и отдельными ее элементами, акцентируя внимание на тенденциях социальной системы к самосохранению и развитию эволюционным, а не конфликтным или революционным путем. По мнению теоретиков функционализма (наиболее известные из которых – американские социологи Т. Парсонс и Р. Мертон), любая социальная система должна справляться с четырьмя комплексами проблем: (1) проблемой рациональной организации и распределения своих ресурсов определенными способами, чтобы достичь целей системы; (2) проблемой определения основных целей и поддержания процесса их достижения; (3) проблемой сохранения солидарности; и (4) проблемой поддержания мотиваций деятелей при исполнении социальных ролей. В результате функционального анализа любой социальной системы получается разветвленная типология связей различных сегментов общества друг с другом и с целым, выясняются возможные и невозможные состояния системы, допустимые сочетания элементов в ней, определяются наборы функций как способов поведения, присущих данному системному объекту при условии сохранения его структурной целостности, и т.п.

нального подхода: никакое социальное явление не происходит случайно, а выражает явные или скрытые (латентные) потребности общества или каких-то входящих в него групп. Именно с этих позиций анализировали современное им израильское общество иерусалимские социологи и политологи 1950-х – 1970-х гг. Объясняя беспрецедентную для вновь возникших демократических государств политическую стабильность в Израиле (достаточно сказать, что Рабочая партия восемь раз подряд выигрывала всеобщие парламентские выборы!) Ш.-Н. Эйзенштат и политолог Ашер Ариан (Asher Arian) перечисляли следующие причины:

1) Важность проблем обеспечения безопасности и существование национального консенсуса по вопросу арабско-еврейского конфликта способствовали консолидации общества вокруг существующего руководства страны, основу которого составляли представители социал-демократических партий.

2) Способность партий привлечь в свои ряды новых сторонников напрямую зависела от их реального влияния в вертикали исполнительной власти; поэтому Рабочая партия, крупнейшая и сильнейшая в стране, смогла завербовать наибольшее число новых сторонников, что обеспечило продолжение её правления.

3) Находившиеся зачастую в бедственном положении новые репатрианты больше интересовались материальными благами, чем идеологией, что было на руку существующей власти, т.е. Рабочей партии, контролировавшей распределение этих благ.

4) Д. Бен-Гурион и ведомая им Рабочая партия отождествлялись с государством, очарование «отцов-основателей» еще не рассеялось, поэтому любая попытка изменить политическую конфигурацию в стране воспринималась как покушение на государственные устои.

5) Руководство страны пользовалось большим авторитетом. Это объясняет тот факт, что от выборов к

выборам граждане голосовали за партии правящей коалиции⁶⁷.

Важно подчеркнуть, что подобный акцент на преемственности и стабильности израильской общественно-политической системы ни в коей мере не был результатом манипуляций исследователей с фактами новейшей истории – напротив, именно реальность, демонстрировавшая столь высокий уровень общественно-политической стабильности и преемственности, побуждала ученых найти адекватные объяснения происходящим на их глазах событиям. Иными словами, действительность, а не те или иные идеологические воззрения определяли «повестку дня» исследователей израильского общества.

Можно ли сказать, будто израильские социологи 1950-х – 1970-х гг. слепо служили властям, как это утверждает, например, Ури Рам?⁶⁸ Едва ли. Например, Ш.-Н. Эйзенштадт и Иехудит Шоваль (Judith T. Shuval) еще в 1950-е гг. доказывали, что политика «плавильного котла» не достигла поставленных целей, так как социально-экономическое неравенство между старожилами – выходцами из стран Восточной и Центральной Европы – и иммигрантами в первом поколении – выходцами из мусульманских стран (а именно они составляли в те годы большинство репатриантов) – не только продолжало существовать, но и распространялось на следующее поколение⁶⁹. Арье Симон (Aryeh Simon), Лея Адар (Leah Adar) и Сара Смилянски (Sarah Smilansky) критиковали политику «единого подхода» в израильском образовании, базирующуюся на осознанном игнорировании культурных, ментальных и мировоззренческих особенностей различных групп учеников; в 1956–1957 гг. они опубликовали в ведущем ивритоязычном журнале по социологии и психологии *«Мегамот»* [«Тенденции»] серию статей, где доказывалось, что стандартные методы обучения и тестирования не подходят ученикам-репатриантам, так как среда, в которой они росли, значительно отличается от той, в которой жили европеизированные старожилы еврейской

общины Палестины/Эрец-Исраэль. Моше Лиссак и Йехуда Матрас (Judah Matras) показали, что, вопреки утверждениям политических лидеров страны, эгалитаристское общество было и оставалось недостижимой мечтой, в реальности же степень расслоения израильского общества оставалось чрезвычайно высокой⁷⁰. Очевидно, что приверженность сионистской идее не мешала этим социологам критически анализировать политику правительства и предлагать альтернативы ей. Вопреки идеологии социалистического сионизма, возвеличивавшей труд рабочих и крестьян, Йосеф Бен-Давид занимался исследованием роли представителей свободных профессий и интеллигенции в общественном развитии.

Представляется, что своего подлинного расцвета израилеведение как сфера научной деятельности достигла в 1970-е гг. Это был период расцвета академического плюрализма, когда в таких журналах как «Государство, власть и международные отношения» и «Тенденции» (оба они выходили на иврите) печатались представители разных научных дисциплин, направлений и школ. Для этих изданий была обычным явлением публикация в одном и том же номере статей, выражающих противоположные точки зрения, что теперь бывает крайне редко⁷¹. Университеты росли невиданными прежде (и, к сожалению, впоследствии) темпами, в них развивались и факультеты общественных наук, оттачивались исследовательские методологии, а израильская наука заслуженно добилась международного признания. Многие западные обществоведы, авторы изданных в тот период трудов об израильском обществе, находились под ощутимым влиянием исследователей, принадлежавших к иерусалимской школе, а некоторые из этих ученых впоследствии даже иммигрировали в Израиль. Однако в середине 1980-х годов ситуация изменилась: центр тяжести израилеведческих исследований переместился в зарубежье, что привело к кардинальным переменам в описываемой сфере.

Значимой вехой в развитии новой тенденции стало создание в 1985 г. в США Ассоциации по изучению Израиля (Association for Israel Studies), основатели которой поставили себе цель создать «зонтичную» структуру, которая стала бы своего рода координатором профессиональной деятельности всех исследователей израильского общества. Создание Ассоциации вытеснило израильских ученых на периферию посвященного израильскому обществу научного дискурса. Показательным представляется факт, что за годы своей деятельности Ассоциация провела восемнадцать конференций, состоявшихся в различных университетах США*, и лишь две – в Израиле (шестнадцатый годовой съезд Ассоциации прошел в Тель-Авивском университете в июне 2000 г., двадцатый – в Еврейском университете в Иерусалиме в июне 2004 г.). Во главе Ассоциации до недавнего времени стояли трое бывших израильтян, много лет назад перебравшихся на жительство в США – Гершон Шафир – президент Ассоциации, Яэль Зерубавель (Yael Zerubavel) – вице-президент и Илан Пелег (Ilan Peleg) – редактор официального журнала Ассоциации «*Israel Studies Forum*»**. В 2004 г. были избраны новые руководители Ассоциации: ее президентом стал про-

* Годовые съезды Ассоциации по изучению Израиля состоялись в Dartmouth College в 1985 г., в Rutgers University в 1986 г., в University of Vermont в 1987 г., в City University of New York в 1988 г., в University of Maryland в 1989 г., в Gratz College в 1990 и 1994 гг., в Barnard College в 1991 г., в University of Wisconsin, Milwaukee в 1992 г., в Emory University в 1993 г., в Baltimore Hebrew University в 1995 г., в Boston University в 1996 г., в Emory University в 1997 г., в Rutgers University в 1998 г., в American University в 1999 и 2001 гг., в University of Denver в 2002 г. и в San Diego State University в 2003 г.

** Гершон Шафир преподает на факультете социологии в University of California, San Diego, Яэль Зерубавель – в Центре изучения еврейской жизни в Rutgers University; Илан Пелег является профессором государства и права в Lafayette College.

фессор Вашингтонского университета Йоэль Мигдаль (Joel S. Migdal), специализирующийся в области международных отношений, профессиональный путь которого начался в первой половине 1970-х годов в Тель-Авивском университете. Вице-президентом Ассоциации стал Алан Даути (Alan Dowty), профессор политологии University of Notre Dame в штате Индиана, работавший в 1963–1975 гг. на кафедрах политологии и международных отношений Еврейского университета в Иерусалиме.

Все вышеперечисленные исследователи (за исключением, пожалуй, Алана Даути) придерживаются достаточно критических взглядов на израильское общество и склонны посвящать свои работы не анализу его ключевых проблем и тенденций, а скорее исследованию истории палестинских арабов и их конфликта с сионистским движением. Так, например, самой известной книгой Гершона Шафира является «Земля, труд и истоки израильско-палестинского конфликта, 1882–1914»; главная книга Йоэля Мигдаля, написанная им в соавторстве с придерживающимся леворадикальных взглядов профессором Еврейского университета в Иерусалиме Барухом Киммерлингом, носит название «История палестинского народа»; а темой последней монографии Илана Пелега стали «Права человека на Западном берегу и в секторе Газа»⁷². Таким образом, и в том, что касается их организационных возможностей (как в рамках Ассоциации, так и в проведении конференций и в формировании издательской политики), и в том, что касается их влияния на умы, живущие ныне в США бывшие израильтяне стали «доминантным голосом» в израилеведении. Они «формируют каноны», определяют правила игры, в то время как израильские ученые фактически оказались на обочине.

Из списка состава президиума Ассоциации по изучению Израиля следует, что только четверо из двадцати двух входящих в него ученых являются сотрудниками израильских университетов, в то время как пятнадцать его членов проживают и работают в США, а двое – в Кана-

де⁷³. Более того, среди израилюведов, занимающих в Ассоциации ключевые посты (такие как президент, вице-президент, финансовый директор, редактор журнала, редактор серии книг и председатель организации молодых исследователей) нет ни одного человека, живущего в Израиле. В официальном издании Ассоциации утверждается, что «в Израиле [она] сотрудничает с различными академическими союзами, институтами и университетами» и «нередко финансирует конференции, посвященные уникальным вопросам культуры, общества и политики Израиля». Вопреки этим заявлениям, в данном издании упомянута лишь одна подобная конференция, проведенная в Израиле (в Университете имени Д. Бен-Гуриона в Негеве), да и то – десять лет назад (в 1994 году). Таким образом, Ассоциация практически не проводит в Израиле ни свои годовые съезды (за исключением уже упомянутых двух за всю ее историю), ни тематические конференции, и почти не задействует израильских исследователей в своем руководстве и административном аппарате.

Каждый ученый стремится увидеть свои книги и статьи изданными в признанных академических издательствах. В процессе подготовки таких публикаций судьбоносную роль играет вопрос рецензирования. Зачастую судьбу публикации решает сам выбор рецензентов: опираясь на мнение каких экспертов издатели решат принять к печати или отклонить представленную им рукопись. Публикации в престижных издательствах служат ключом к служебному росту, получению статуса постоянного сотрудника (*tenure*), профессуре и т.д. Из отзывов, помещенных издателями на обложках опубликованных в последние годы наиболее важных книг, посвященных идеологическим изменениям в израильском коллективном самосознании, таких как «Еврейское государство. Сто лет спустя» Алана Даути (1998), «Пост-сионистская полемика» Лоренса Сильверстайна (1999), «Израильтяне: возникновение и закат» Баруха Киммерлинга (2001), и даже «Изменяющаяся повестка дня израильской социологии» Ури Рама (1995) следует, что

среди рецензентов вышеназванных трудов не было ни одного израильского специалиста: авторами всех откликов, напечатанных, по принятому стандарту, с задней стороны каждой книги, были (без единого исключения!) исследователи, проживающие в США. Среди последних преобладали социологи «критического направления», занимающие ведущие посты в Ассоциации по изучению Израиля. Так, Гершон Шафир «благословил» книги Л. Сильверстайна и У. Рама, Илан Пелег – труд А. Даути, а сам Алан Даути – книгу Б. Киммерлинга. Иными словами, американские исследователи, и среди них – придерживающиеся радикальных критических взглядов бывшие израильтяне, в последние годы стали пользоваться в научном сообществе непреложным авторитетом во всем, что касается израильской тематики. В результате, израильские специалисты, стремящиеся интегрироваться в престижные университеты и опубликовать свои работы в общепризнанных издательствах, вынуждены искать их поддержки и зависят от их благорасположенности.

Процесс, в ходе которого иерусалимские (и в более широком смысле – израильские) историки и обществоведы перестали «задавать тон» и превратились в «провинциалов» мирового израилеведения, происходил, конечно же, не в одночасье*.

* В обширном предисловии к изданной на иврите книге «Израильское общество: критические взгляды» Ури Рам разделяет историю становления израильской социологии на три периода: первый – период формирования и доминантной роли иерусалимской школы, совпал с историческим этапом гегемонии рабочего движения в израильской политике; этот период начался с основанием Государства Израиль и завершился кризисом, последовавшим за Войной Судного дня (1973 г.). Второй этап в истории данной дисциплины длился, по мнению Ури Рама, с начала 1970-х годов и до электорального «переворота» 1977 г., когда Рабочая партия впервые в истории страны перестала быть правящей. С его точки зрения, именно электоральный

Изменения стали отчетливо видны уже в середине 1970-х гг., когда были опубликованы отличавшиеся ярко выраженной антиофициозной направленностью работы преподавателя кафедры социологии Тель-Авивского университета Йонатана Шапиро (Yonathan Shapiro) и его коллеги из Хайфского университета Сами Самухи (Sammy Smooha). Со временем эта направленность работ Й. Шапиро, С. Самухи и их учеников стала еще более очевидной.

Й. Шапиро не без оснований воспринимается многими «критическими социологами» как духовный первопроходец, основоположник подхода, ставшего антитезой «иерусалимской школе»⁷⁴. При этом следует отметить, что, хотя в своих книгах «Годы формирования израильской Рабочей партии» (1975 г.) и «Демократия в Израиле» (1977 г.) он весьма критически писал об израильском политическом руководстве, характеризуя демократию в стране лишь как «формальную», гражданское общество – как крайне слабое и зависимое, а правящий режим – как «олигархический»⁷⁵, в работах Й. Шапиро о межнациональных, межэтнических, гендерных и других конфликтах,

«переворот» ознаменовал начало третьего периода. Однако десятилетие спустя предложенная У. Рамом периодизация не кажется в достаточной мере обоснованной: утверждение о том, что существовал «второй этап», длившийся всего четыре года (с 1973 по 1977 гг.) выглядит довольно поверхностным, поскольку именно общественные факторы, легшие в основу глубокого кризиса, последовавшего за войной Судного дня, стали причиной произошедшего четыре года спустя «переворота». К тому же, очевидно отсутствие прямой причинно-следственной связи между победой Ликуда на выборах 1977 года и расцветом пост-сионистской школы, ставшей в последнее десятилетие доминантой израилеведческого дискурса. Поэтому представляется необходимым сформулировать новые теории и новую хронологию, которые стали бы альтернативой периодизации, предложенной Ури Рамом.

находящихся в центре внимания «критического» направления израилюведов в наши дни, не говорится практически ничего.

Йонатана Шапиро никак нельзя отнести к числу «пост-сионистов»; в посвященном его памяти специальном выпуске журнала «Израильская социология» в 1999 г. его редакторы Ханна Герцог (Hanna Herzog), Адриана Кемп (Adriana Kemp) и Лев Гринберг (Lev Luis Grinberg) не без оснований соглашались с тем, что Й. Шапиро не лукавил, говоря, что его работы свидетельствует о верности сионизму. «Хотя он был одним из наиболее влиятельных критиков доминирующей сионистской идеологии и вдохновил своим примером многих молодых ученых, которые помогли ее разрушить [именно так в тексте!], – поясняют они, – он не рассматривал это как деструктивный или антипатриотический акт... Й. Шапиро был убежден, что критика была жизненно важна для израильской демократии как необходимое условие ее политической гибкости, которая могла спасти нас от ошибок, совершенных поколением основателей государства»⁷⁶. Иными словами, критика Й. Шапиро была критикой изнутри, высказываемая с целью способствовать улучшению Израиля как еврейского демократического государства, а не с целью ликвидировать еврейское государство как таковое.

Работы Сами Самухи, в особенности, посвященные статусу израильских арабов, способствовали дальнейшей радикализации израилюведческих исследований. С. Самуха критиковал уже не только политический истеблишмент, но и саму идею еврейского государства. По мнению С. Самухи, стремление построить национальное государство «неизбежно» приводит к сегментации, неравенству и отсутствию культурного плюрализма. По утверждению С. Самухи, декларируя стремление к демократии, Израиль на практике подвергал арабское меньшинство систематической дискриминации. В 1980 г. С. Самуха писал, что для израильских арабов «... не только не гарантированы права меньшинства и какие бы то ни было пределы

государственной власти, но существует еще и проблема тирании большинства, ... и практикуется широкое использование полномочий государственной власти, чтобы сохранить это дискриминационное положение»⁷⁷. По словам С. Самухи, «дискриминационная политика, широко распространенный еврейский этноцентризм, сохраняющееся социально-экономическое неравенство между евреями и арабами, практически полное исключение арабов из тех структур, которым реально принадлежит власть в стране, равно как и систематический отказ предоставить арабам какую-либо форму институциональной автономии – все это подрывает лояльность арабских граждан [по отношению к Государству Израиль]. Очевидно, что подобное [отношение к арабам] во многом вызвано соображениями безопасности, однако главной причиной отчуждения государства от [своих] арабских граждан является декларируемый этнический характер израильской демократии»⁷⁸.

С. Самуха доказывал, что дискриминация арабов присуща всему израильскому обществу, и интеграция арабов в это общество если и происходит, то не на основе принципа равенства, а в результате действия «отрицательных и нежелательных сил, таких как экономическая зависимость, политическое давление и социальная изоляция»⁷⁹. По его мнению, и в этом С. Самуха вполне следует марксистской парадигме, причиной этого продолжающегося угнетения являются очевидные экономические интересы:

«Истеблишмент предпринимает дополнительные шаги ... с целью обеспечить продолжение этого угнетения, ... ибо только при условии существования израильских арабов как неорганизованного и уязвимого меньшинства государство будет постоянно получать дешевую рабочую силу, иметь возможность отчуждать земли, и его инвестиции в обслуживание и развитие арабского сектора смогут оставаться гораздо ниже того уровня, на который этот сектор мог бы претендовать, [исходя из его численности в населении страны в целом]»⁸⁰.

В последние два десятилетия такие взгляды стали весьма популярны в израильских академических кругах и во все большей степени определяют направленность исследований израильского общества в целом. Вместе с тем, было бы ошибкой утверждать, что только Й. Шапиро и С. Самуха ответственны за эту тенденцию. Их взгляды следует рассматривать в более широком контексте развития общественных наук в Израиле и за рубежом в последние полвека.

Анализируя причины произошедших перемен, можно выделить три основных, дополняющих друг друга, фактора.

Во-первых, на формирование политического самосознания израильских обществоведов среднего поколения (а именно они занимают в настоящее время ведущие позиции в статусной иерархии научных учреждений) не могло не повлиять распространение, начиная с 1960-х годов, леворадикальных идеологий в кампусах Северной Америки и Западной Европы. Многие из израильских социологов, политологов и их коллег с «родственных» кафедр писали свои диссертации или проходили длительные стажировки в западных университетах, во многих из которых идейные доктрины «новых левых» доминируют безраздельно. Вернувшись в Израиль, эти обществоведы сохранили приверженность концепции о роли интеллектуалов как провозвестников грядущей социальной революции. Левые радикалы последовательно заняли ключевые позиции на кафедрах социологии Хайфского и Беэр-Шевского университета, а затем и в Тель-Авивском университете. Израильские социологи, пройдя кампусы Европы и Америки, не только заразились духом «новой левой» доктрины, но и попали в идеологическую и финансовую зависимость от международных организаций, в которых культивируется антиизраильская идеология. Для исследования выбирается то, о чем любят читать в Оксфорде, Йеле и Сорбонне, где Израиль регулярно клеймится как «расистское, милитаристское государство», как «неизжитое проявление режима апартеида». Обращаясь

именно к исповедующим подобные взгляды коллегам за границей, профессор Барух Киммерлинг из Еврейского университета в Иерусалиме распространил в 2002 г. (когда был впервые инициирован международный академический бойкот с целью изоляции Израиля за его «военные преступления» против палестинцев) письмо, в котором утверждал, что разрыв связей с израильскими учеными помешает последним, хотя они являются, возможно, единственной «эффективной оппозицией фашистскому [именно так в тексте!] режиму» израильского правительства⁸¹. Автор этого письма знал, к кому он обращается, ибо подобные взгляды исповедуют многие из тех, кто принимает решения о том, печатать или нет книги и статьи израильских авторов, давать ли им гранты, повышать ли их статус (присваивать ли им звания «доцента» и «профессора») и т.д. Из-за ярко выраженной и глубоко укоренившейся ориентации израильских научных учреждений на получение символической легитимации извне, как своего рода антитеза комплексу «провинциальности» и «местечковости», именно преподаватели британских и американских вузов во многом определяют умонастроения своих коллег в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе и Беэр-Шеве.

Во-вторых, поражение Рабочей партии и всего левого и левоцентристского лагеря на парламентских выборах в мае 1977 г., а еще в большей степени – начало в июне 1982 г. войны в Ливане⁸², привели к кризису политического самосознания израильских обществоведов, многие из которых, особенно представители «поколения ПАЛЬМАХа», были связаны с Рабочей партией. Поражение Рабочей партии на выборах и ее неспособность не допустить войны в Ливане привели к тому, что политические оппоненты левоцентристов в университетах ощутили: «король низложен, короля можно добивать». В результате, «градус радикализма» в работах израильских обществоведов, ориентированных на «новых левых», резко повысился, их солидарность с государством и его политикой, и без того не особенно сильная, еще более

ослабла. Публикуемые обществоведами как «научные» работы стали заметно более политизированными, идеологические пристрастия авторов во все большей мере стали предопределять методологические и содержательные аспекты научных исследований.

В-третьих, большое влияние на развитие общественных наук в Израиле оказал переговорный процесс с представителями руководства палестинских арабов и палестинской диаспоры в 1990-е годы⁸³. В то время очень многие израильские обществоведы готовы были подписаться под словами Сами Самухи (в то время – заведующего кафедрой социологии Хайфского университета), который декларировал: «Арабо-израильский конфликт заканчивается. Ослабление остроты конфликта продолжается на протяжении двух последних десятилетий. Завершение конфликта представляет собой необратимый процесс, развивающийся поэтапно при поддержке международного сообщества и общественного мнения – как еврейского, так и палестинского»⁸⁴. Ощущение, что внешние силы более не угрожают существованию суверенного Израиля и не способны оказать серьезного влияния на его социальную жизнь, привело к кардинальным изменениям в формах и содержании академической полемики о коллективном самосознании израильтян. В результате, все большее число социологов переключилось в «новые историки», занимаясь не изучением настоящего, а переписыванием прошлого с целью «разрушить сионистские мифы» и создать то видение реальности, которое в наибольшей мере способствует созданию условий, благоприятных для продвижения «мирного процесса» с арабами в целом и с палестинцами, в частности. Работы о развенчании так называемой «мифологии Хаганы», корнях израильского милитаризма, якобы ответственности Израиля за возникновение проблемы палестинских беженцев и им подобные, написанные и опубликованные, повторюсь, не историками, а социологами и политолога-

ми, имели ярко выраженную не столько исследовательскую, сколько политическую задачу.

Эта критическая тенденция в израилеведении настолько усилилась, что фактически привела к исчезновению плюралистической полемики в данной области. Радикальные настроения, появившиеся в конце 1970-х годов на кафедрах социологии в Тель-Авиве и в Хайфе, впоследствии распространились практически во всех исследовательских центрах, занимающихся историей и сегодняшним днем израильского общества.

Во многих смыслах поворотным можно считать 1993 год. Так совпало, что именно в год подписания соглашения о взаимном признании Израиля и Организации освобождения Палестины вышла программная антология «Израильское общество: критические взгляды» и начал издаваться журнал «Теория и критика», ставший ведущей трибуной «пост-сионистски» настроенных интеллектуалов. В 1999 г. в качестве специального выпуска этого журнала была опубликована фундаментальная антология «Пятьдесят лет после 1948 года: критические моменты истории Государства Израиль», в которой была сделана попытка представить альтернативную версию всей израильской истории. В результате получился лишь «каталог преступлений», которые были совершены «тоталитарным, всеподавляющим и нетерпимым» [так в тексте!] Израилем⁸⁵. Тогдашний редактор журнала Ади Офир (Adi Ophir) из Тель-Авивского университета пояснил, что эссе были написаны «из страха, что контроль над палестинцами, в частности, и тот факт, что Израиль с политической и культурных точек зрения становится этноцентристским и расистским национальным государством в целом, превращают его в наиболее опасное в мире место для человечности и морали еврейской цивилизации, продолжения существования еврейских культур и, возможно, для самого существования еврейского народа»⁸⁶.

Вместо того, чтобы заниматься наукой и исследовать израильское общество, его историю и современное со-

стояние, многие нынешние израилеведы предпочитают этому соревноваться между собой в том, кто из них подыщет более уничижительное клеймо для обозначения сионизма и Государства Израиль: от «этнической демократии» Сами Самухи до «этнократии» Орена Ифтахиэля (Oren Yiftachel), и далее – к «этноцентристскому и расистскому государству» коллектива авторов журнала «Теория и критика». Как справедливо замечает один из них, бывший заведующий кафедрой социологии Еврейского университета в Иерусалиме Михаэль Шалев, «критическая школа постоянно ставит под сомнение утверждения и предположения, являющиеся основой легитимации сионизма и авторитета израильских элит»⁸⁷. В этой связи Орен Ифтахиэль, профессор политической географии из Университета им. Бен-Гуриона в Негеве, бывший главный редактор журнала «*Israel Social Science Review*»⁸⁸, перечисляет «неправедные деяния», якобы совершенные еврейским государством с момента своего создания в 1948 г.:

«Тотчас же после своего создания, Государство Израиль приступило к радикальной стадии реструктурирования территории... Сутью этой стратегии была “евреизация региона”. Эта стратегия была обусловлена постоянным стремлением евреев к колонизации и экспансии, которые новое государство сделало своей задачей... Эта стратегия “евреизации” включала в себя лишение арабского населения собственности, разрушение арабских деревень и предотвращение возможности возвращения арабских беженцев. Она основывалась не только на способности государства к подавлению, но и на представлении им арабских граждан как потенциальных врагов и на том, что оно представляло международному сообществу свои действия как “легитимные” методы, используемые суверенными государствами для решения своих внутренних проблем»⁸⁹.

По мнению О. Ифтахиэля, лишение палестинцев собственности и их отождествление с врагами государства непосредственно вытекают из сионистской идеологии. Он

пишет: «Программа евреизации основывалась на глубоко укоренившемся мифе, культивируемом с начала XX столетия, когда начал развиваться сионизм, и который гласит, что эта земля [Палестины/Эрец-Исраэль] принадлежит еврейскому народу и только еврейскому народу. Со временем этот миф стал основой для развития мощного этнического поселенческого национализма». По утверждению О. Ифтахизэля, этот миф является причиной угнетения этнических меньшинств в Израиле. Кроме того, он мешает политическому и моральному развитию страны: «Тот факт, что государство определяется как “еврейское”, лишает нееврейских граждан подлинного политического равноправия, и потому изначально делает невозможным формирование современной демократии»⁹⁰.

Похожие возражения против еврейского характера Государства Израиль выдвинул и Ури Рам. Вспоминая свое участие в демонстрации протеста против религиозного диктата, прошедшей в Тель-Авиве в 1998 г., У. Рам пишет:

«Обыденным лозунгом на демонстрациях светского населения является “отделение религии от государства”. ... Но проблемой израильской демократии не является ни религия, ни даже религиозные граждане страны. Корень проблемы лежит в этническом определении государства. ... Поэтому недостаточно отделить религию от государства; необходимо отделить идентичность от гражданства»⁹¹.

Строгое отделение этнической идентичности от гражданства, предложенное У. Рамом, означало бы конец Израиля как еврейского государства; историки и социологи «критической школы» прекрасно отдают себе в этом отчет. Вот что, например, пишет по этому поводу Илан Паппе:

«Пост-сионистский вывод из исторического анализа, проведенного новыми исследователями, таков: лучшим решением наших внутренних и внешних проблем является создание гражданского нееврейского государства в Израиле. Некоторые пост-сионисты призывают создать

двунациональное или единое светское и демократическое государство. Эти политические убеждения превратили пост-сионистов в союзников палестинского меньшинства в Израиле. Более того, единственная возможность пост-сионизма превратиться в важную политическую силу зависит от такого союза. До сегодняшнего дня такого союза не существует, и поэтому пост-сионизм не смог стать политическим вызовом классическому сионизму»⁹².

В самом деле, высказывания У. Рама и И. Паппе включают в себе все идеологические установки «критической школы» и, в частности, ее стремление дезавуировать центральную концепцию классического сионизма. Вместо создания еврейского государства предлагается создание «гражданского нееврейского государства», причем главным союзником в этом процессе должно стать «палестинское меньшинство». То, что когда-то считалось маргинальной позицией в израильских академических институтах, в последнее десятилетие стало влиятельным научным и общественным движением, фактически – едва ли не новой идеологической гегемонией. Как констатирует сам И. Паппе, «главное достижение пост-сионизма – победа в борьбе за коллективную память и за восприятие прошлого, что выражается в изменениях, происшедших в израильской системе просвещения»⁹³. Именно поэтому «пост-сионизм» нельзя недооценивать, и без его анализа невозможно понять умонастроения сегодняшних элит израильского общества.

Глава 7. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МАРКСИСТСКИХ И «ПОСТ-КОЛОНИАЛЬНЫХ» ТЕОРИЙ

Для понимания причин возникновения и развития «пост-сионистской» истории и социологии важно принимать в расчет, что эти тенденции не выкристаллизовывались в вакууме, а отражали наиболее популярные пост-модернистские и пост-колониалистские воззрения, доминирующие ныне в западных академических кругах. Следуя этим воззрениям, историки и социологи так называемого «критического направления» стремятся «срывать маски» с того, что они считают политическими и социальными формами дискриминации, преобладающей в израильском обществе. В «критическом направлении» сосуществуют различные исследовательские парадигмы, наиболее популярными среди которых (в том числе, и в израилеведении) стали две теоретические модели, известные как марксистский и пост-колониалистский подходы*. Эти

* Здесь уместно упомянуть и о радикальном феминистском подходе, сторонники которого не столько концентрируют внимание на вопросе о месте женщины в обществе, сколько анализируют все общественное устройство с точки зрения женщин, которых они в целом считают социально обделенными. Значительная часть работ Дворы Бернштейн, Барбары Свирски, Далии Мор, Генриетты Дахан-Калев, Тамары Раппопорт и других авторов выполнена, исходя из этих установок. В целом принимая основные допущения и результаты исследований ученых марксистской школы, они убеждены, что марксисты не уделяют достаточно внимания дискриминации женщин.

теории, в течение длительного времени находившиеся в фокусе внимания западных академических элит, снабдили израильских обществоведов концептуальной базой, прекрасно соответствующей их политическим предубеждениям. Однако, стремясь доказать релевантность этих теорий, критические социологи почти оставили попытки исследования уникальных особенностей израильского общества. Иногда они даже прибегали к искажению исторических фактов, чтобы втиснуть их в рамки разделяемых ими парадигм.

Марксистский подход появился в израильской социологии в конце 1970-х гг. В 1978 г. кафедра социологии Хайфского университета начала издавать журнал *«Махберорт лемехкар у'лебикорет»* [«Исследовательский и критический бюллетень»]. Целью этого издания, по словам его редакторов Генри Розенфельда (Henry Rosenfeld), Дворы Бернштейн (Deborah Bernstein), Шломо Свирски (Shlomo Swirski) и Дворы Калкин (Deborah Kalkin), было «способствовать анализу отношений, выражающихся в угнетении, дискриминации, отчуждении и содержании в отсталом состоянии, которые являются основными признаками классового общества, ... сделать “Бюллетень” форумом критической мысли, оппонирующей позитивистским методам и “нейтральным” концепциям, наиболее распространенным в социологии и мешающим понять реальную жизнь общества и изменить ее»⁹⁴.

Обратим внимание: с самого начала хайфские ученые отвергли саму идею академической объективности, утверждая, что она «мешает пониманию реальной жизни общества». Кроме того, они рассматривали марксистский подход как средство для изменения этой реальности, в соответствии с их собственной идеологической программой. Впервые в израильской интеллектуальной истории какая-либо группа ученых открыто отбросила все претензии на научную объективность.

По мнению этой группы хайфских социологов, израильское общество состоит из двух групп: непривигелигиро-

ванных классов, к которым относятся палестинцы и пролетариат сефардского происхождения, и среднего класса, состоящего преимущественно из ашкеназов, интересы которого защищает правящая в стране олигархия. Они утверждали, что истинная цель израильской внешней и внутренней политики состояла и состоит не в строительстве и сохранении государства для еврейского народа в целом, а в том, чтобы обеспечить ашкеназскому истеблишменту возможность контролировать все социальные ресурсы. С этой точки зрения политика Израиля по отношению к его арабским соседям характеризуется как «националистическая» и «милитаристская», а отношение властей к арабским и сефардским гражданам – как «высокомерное» и «патерналистское». Шуламит Карми (Shulamit Carmi) и Генри Розенфельд, известные социологи из Хайфского университета, в совместной статье, опубликованной в 1989 г., утверждали: в момент своего создания Государство Израиль оказалось перед выбором: либо стать двунациональным обществом, основанном на принципах социального равенства, либо следовать модели милитаристского национализма. Их вывод состоит в том, что тогдашние лидеры страны выбрали вторую возможность, полностью игнорируя стремление палестинских арабов к национальной независимости и препятствуя возвращению беженцев, покинувших свои дома в 1948 г.; Ш. Карми и Г. Розенфельд считают этот исторический выбор ошибочным. Отказывая израильскому рабочему движению в праве именоваться социалистическим, они декларировали:

«Социалистически ориентированная власть должна была решить проблемы, связанные с последствиями войны 1948 г., иначе, а именно, поддерживая принципы демилитаризации территории, а также регионального нейтралитета, взяв на себя часть ответственности за решение проблемы беженцев и национальной проблемы палестинских арабов, отказавшись от сиюминутных преимуществ и выгод, которые милитаристский национализм

определял как привилегии победителей, и которые он преумножал в последующих войнах»⁹⁵.

По мнению Ш. Карми и Г. Розенфельда, выбор, сделанный сионистским движением, превратил конфликт между евреями и палестинцами из межобщинного в межнациональный и «избавил израильское общество от необходимости делать сколько-нибудь серьезные усилия для обеспечения сосуществования двух народов»⁹⁶. Израильский этатизм якобы блокировал возможности проведения аграрной реформы, создания равных экономических условий для всех этнических групп, выработки конституции гражданского государства и защиты национальных прав арабов.

Ш. Карми и Г. Розенфельд утверждают, что в ранние годы своего существования Государство Израиль отличало необычное по своим масштабам для демократических стран вмешательство властей в процессы регулирования экономических отношений. Центральная роль государства в хозяйственной жизни страны во многом объяснялась получением иностранной помощи в очень значительных масштабах, что позволяло Израилю обеспечивать большинству граждан весьма достойный уровень жизни, развиваться и при этом интенсивно вооружаться. Ш. Карми и Г. Розенфельд убеждены, что агрессивная внешняя и оборонная политика израильских властей служила интересам правящего класса, ибо позволяла ему в любое время мобилизовать представителей более слабых слоев населения на выполнение «государственных» задач, а также подавить в зародыше любые проявления социального протеста, руководствуясь реальными или мнимыми «соображениями безопасности». Подобных взглядов придерживаются не только Ш. Карми и Г. Розенфельд, но и некоторые другие израильские социологи, например, Ягиль Леви (Yagil Levy), автор нескольких книг и статей, в частности, опубликованной журналом «Теория и критика» работы «Политика войн, межобщинные отношения и внутреннее усиление государства: Израиль, 1948–1956»⁹⁷.

В то время как социалистически ориентированные марксисты видят в сионизме режим экономического угнетения, другое направление радикального критического израилюведения – так называемые «пост-колониалисты» – считают, что сионистская идеология послужила основанием сначала для экспроприации земель коренного арабского населения, а затем для применения к арабам и сефардским евреям всей мощи государственной машины подавления. Эта точка зрения доказывалась в ряде книг, наиболее яркими из которых были уже упоминавшиеся «Сионизм и территория» Баруха Киммерлинга, «Земля, труд и корни израильско-палестинского конфликта, 1882–1914» Гершона Шафира и сочинения инициатора международного бойкота собственного университета Илана Паппе (Ilan Pappé)⁹⁸. По мнению этих авторов, между сионизмом и европейской политикой колонизации в Азии и Африке нет и не было большой разницы. Так, Гершон Шафир, бывший до недавнего времени президентом Ассоциации по изучению Израиля, утверждает, что «существует фундаментальное сходство между сионистской политикой создания поселений и процессом колонизации, осуществлявшейся европейскими странами за океаном. ... Перемены, произошедшие в израильском обществе после 1967 г., следует понимать не как переход общества с сионистско-социалистических позиций на правые колониальные, а как продолжение колониального проекта путем перехода от одного способа колонизации к другому»⁹⁹. Илан Паппе также говорит о «тесной связи между изначальным сионизмом с присущими ему признаками колониалистской идеологии, и его практикой в 1948 году с насильственным захватом земли и изгнанием коренного населения страны»¹⁰⁰.

Как приверженцы марксистской доктрины, так и сторонники пост-колониалистского подхода резко критикуют сионистское поселенческое движение, заявляя, что оно лишь прикрывалось социалистической фразеологией. Например, Гершон Шафир утверждает, что у сионистов никогда не было искреннего намерения создать в Пале-

стине/Эрец-Исраэль общество, основанное на принципе равенства:

«Социалистический компонент их [т.е. репатриантов второй алии] идеологии принял иронический оттенок. Они выступали против эксплуатации арабских рабочих, но решали эту проблему, борясь за полное исключение арабского труда... Эти сионисты нашли своих “Ротшильдов” во Всемирной Сионистской организации..., которая пыталась воссоздать на израильской земле тип прусского поселения в восточной части Германии»¹⁰¹.

Г. Шафир и его последователи характеризуют одно из центральных понятий сионистской идеологии – «борьбу за [еврейский] труд» (*киббуш ха'авода* на иврите) – как попытку создать на рынке труда еврейскую монополию, вытеснив оттуда квалифицированных арабских рабочих, готовых работать и за более низкую плату. Даже в киббуцах, которые для большинства людей во всем мире символизируют идеалистическое стремление построить общество всеобщего равноправия, эти авторы видят «кричащий пример стратегии завоевания земли и рынка труда еврейскими поселенцами»¹⁰². Ури Рам резюмирует эту точку зрения, утверждая, что «высшее достижение социалистического сионизма, киббуц, служило Израилю не для создания альтернативной модели общественного развития, а для реализации поселенческого проекта»¹⁰³.

Эти утверждения легко укладываются в рамки «пост-колониального» подхода, но трудно увязываются с исторической реальностью. Фактически, еврейское поселенческое движение, во всяком случае, на ранних стадиях своего развития, не стремилось к созданию в Палестине/Эрец-Исраэль секторального рынка труда; спонсоры первых еврейских поселений, в особенности барон Эдмонд де Ротшильд, не следовали примеру европейских колонизаторов. Напротив, как показал в своих исследованиях иерусалимский историк и географ Ран Ааронсон, в течение двадцати двух лет первой алии (т.е., с 1882 по 1904 гг.) евреи работали рядом с арабами на одинаковых

условиях¹⁰⁴. Разделение между представителями двух народов на рынке труда произошло позднее, когда яростное противостояние арабов еврейской иммиграции сделало невозможным продолжение какой бы то ни было конструктивной совместной деятельности.

Пытаясь втиснуть историю (воз)рождения еврейской государственности в прокрустово ложе теоретических моделей, разработанных для объяснения совершенно иных социальных феноменов (как, например, феномен европейского колониализма), «пост-сионистски» ориентированные исследователи Израиля игнорируют его уникальные черты. Например, Д. Бернштейн из Хайфского университета утверждает, что «достаточно сравнительного анализа для понимания израильского общества в прошлом и в настоящем, так как оно не имеет фундаментальных отличий от любого отдельно взятого исторического случая»¹⁰⁵. Отрицание уникальности сионизма и общественно-политической судьбы Израиля приводит к искаженному толкованию исторических фактов и социальных феноменов во многих публикациях авторов так называемой «критической школы».

Самым ярким примером такого искажения является затушевывание важных различий между сионистским поселенческим проектом и европейским колониализмом вплоть до полного пренебрежения этими различиями. В частности, Барух Киммерлинг говорит об отношении евреев к Земле Израиля в течение столетий изгнания следующее:

«Две тысячи лет тоски евреев по Сиону – это факт, являющийся неотъемлемой частью еврейской истории и культуры. Однако он ни в коей мере не меняет “колониальной ситуации”, то есть такой ситуации, когда группы людей из разных стран иммигрировали в одно и то же место и построили общество и государство на руинах другого общества. Они не смогли полностью нивелировать это общество, которое, в свою очередь, не смогло изгнать их, как это произошло в других хорошо известных случаях»¹⁰⁶.

Б. Киммерлинг нигде не упоминает, что основатели сионистских поселений отказались от классических иерархических структур, предпочтя им общину, основанную на принципах равенства, – стремление, абсолютно чуждое европейским колонизаторам. Кроме того, в отличие от последних, евреи, жившие в подмандатной Палестине/Эрец-Исраэль, не были привилегированной группой населения и во многих случаях страдали от явной дискриминации со стороны британских властей – факт, который практически невозможно привести в соответствие с утверждением, что сионизм был британским колониальным проектом. Наконец, попытка сионистского движения добиться еврейского культурного возрождения в Палестине/Эрец-Исраэль, включая возрождение иврита в качестве языка повседневного общения, не навязывая ни свою культуру, ни свой язык коренному населению, не имеет параллелей в истории колониализма¹⁰⁷.

Твердое намерение переписать исторические факты с целью подогнать их под схему угнетения и эксплуатации лежит и в основе аргументов, которые приводит Иехуда Шенхав (Yehouda Shenhav), бывший заведующий кафедрой социологии Тель-Авивского университета, а ныне главный редактор журнала «Теория и критика», в статье «Безупречное ограбление», опубликованной в газете «Ха'арец» в 1998 г. Эта статья представляет собой попытку в буквальном смысле слова «поставить с ног на голову» историю иммиграции иракских евреев в Израиль в 1951 г. По мнению И. Шенхава, еврейское государство стремилось обмануть и нажиться и на палестинских арабах, и на «второсортных» репатриантах из арабских стран:

«Репатрианты из Ирака потеряли всю оставленную ими на родине собственность в результате циничного политического хода израильского правительства [так в тексте! Израильское правительство якобы лишило собственности евреев Ирака], сделанного с целью избежать выплаты компенсаций палестинским беженцам... В тот период, в 1948–1951 гг., израильскому правительству были предъ-

явлены две претензии. Во-первых, ООН и правительства США и Великобритании потребовали выплатить палестинским беженцам 1948 г. компенсацию за их собственность, национализированную Государством Израиль. Во-вторых, иракские евреи и их представители в израильском правительстве, в частности, министр Бехор-Шалом Шитрит¹⁰⁸, требовали выплатить им компенсации за национализацию их собственности правительством Ирака. Израильское правительство оказалось в ловушке, и, чтобы выбраться из нее, оно использовало ситуацию, создав связь между собственностью арабов, покинувших страну в 1948 г., и собственностью иракских евреев. Таким образом, оно сняло с себя ответственность за обе проблемы»¹⁰⁹.

Позиция И. Шенхава поистине удивительна: во-первых, он пытается убедить читателей, что защита интересов репатриантов из Ирака отнюдь не была одной из целей еврейского государства. Во-вторых, и это главное, он почему-то убежден в том, что израильское правительство обязано было выплатить компенсации за потерянное имущество и палестинским арабам, большая часть которых покинула Палестину/Эрец-Исраэль в преддверии вторжения регулярных армий соседних государств с целью уничтожения еврейского государства¹¹⁰, и евреям, чья собственность была конфискована по совершенно не зависящим от израильского руководства причинам иракскими властями. Как утверждает И. Шенхав, большинство иракских евреев «были состоятельными буржуа», однако вмешательство сионистских активистов спровоцировало, выражаясь его словами, «психоз алии». И. Шенхав обвиняет сионистское движение и израильское правительство в том, что они дестабилизировали умы иракского еврейства и вогнали клин между евреями и местным арабским населением. Он приходит к выводу, что «только к 1947–1948 гг. в результате агрессивной активности сионистского движения положение иракских евреев стало невыносимым... В это же время в Ираке интенсифицировался и принял антиеврейскую направленность национальный шовинизм»¹¹¹.

Шломо Хиллель (Shlomo Hillel), бывший спикер Кнессета и активист по организации алии из Ирака, указал на искажения и полуправду, содержащиеся в статье И. Шенхава. Он аргументировано показал, что антиеврейская вражда возникла в Ираке не в результате деятельности сионистов в 1947–1948 гг., а значительно раньше: она проявилась еще в 1933 г., когда после смерти короля Фейсала I и провозглашения независимости страну захлестнула волна ксенофобии. Напряжение вновь перешло в проявления насилия в 1941 г. перед вторжением Великобритании в Ирак, которое было предпринято с целью расстроить союз правительства Ирака с нацистской Германией и вызвало антиеврейские беспорядки в Багдаде в канун еврейского праздника Шавуот. Не менее 179 евреев были убиты, многие ранены, десятки магазинов и домов были разграблены. Ш. Хиллеля справедливо возмутило, что эти известные исторические факты не были даже упомянуты в достаточно большой статье И. Шенхава¹².

Глава 8. **ПЕРЕПИСЫВАЯ ЗАНОВО:** **РАЗРУШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ КАК** **ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ** **ЗАДАЧА**

Коллективная память израильтян, как и историческое сознание любого другого народа, основана на общих для них символах, значимых исторических событиях и «канонических» литературно-художественных произведениях. Одной из главных целей представителей «пост-сионистской» историографии и социологии стала борьба с коллективной памятью, дабы представить ее не более чем нагромождением апологетических мифов и ложных предубеждений.

Лоренс Зильберштейн (Laurence J. Silberstein) в опубликованной в 1999 г. книге «Дискуссии о пост-сионизме», ставшей первой англоязычной монографией об этом дискурсе, подчеркивает: «Для израильтян, как, впрочем, для всех национальных групп, повествование об их прошлом является основой для интерпретации событий, происходящих в настоящем. Подвергая сомнению основные концепции израильской истории, «новые историки» и группа, известная как «критические социологи», расшатывают веру в основы израильской национальной идентичности»¹¹³.

Леворадикальные интеллектуалы, работающие на гуманитарных и обществоведческих факультетах израильских университетов, исходят из предпосылки, что, дискредитируя «сионистскую версию истории», они добьются существенных политических и социальных перемен. Они утверждают, что Израиль станет прогрессивной, просвещенной страной, государством «всех своих граждан», только освободившись от якобы имеющего место идеоло-

гического гнета националистического шовинизма. Ури Рам излагает эти аргументы следующим образом:

«В Израиле ведется борьба за нашу коллективную память... Это – столкновение трех главных исторических подходов: национального подхода к истории с присущим ему неразрешимым противоречием между демократией и еврейской самоидентификацией; националистического подхода к истории, для которого ценности демократии не имеют реальной значимости; и подхода, основанного на понятии гражданства, который разрешает это противоречие путем отказа от этнического прошлого. Это конфликт между прошлым, которое хочет похоронить будущее, и будущим, которое хочет освободиться от этого прошлого. Альтернатива такова: прошлое, полное ошибок и трагедий, или же разумное будущее»¹¹⁴.

По мнению У. Рама, израильское общество должно принять третий, «гражданский» подход, смысл которого заключается в том, что только преодолев «сионистскую одержимость» еврейской историей, Израиль добьется реального прогресса. «Эта перемена в историографии ознаменует начало изменения исторического сознания, которое было адекватным [устаревшей] идеологии “завоевания” страны, ее заселения и создания нации, – пишет У. Рам. Начнется формирование новых характеристик исторического сознания общества граждан и потребителей, одной из основ которого, возможно, будет идеология мультикультурализма»¹¹⁵.

Выступая на тридцатой годовой конференции Израильской ассоциации социологов, состоявшейся в 1999 г., Ури Давидсон (Uri Davidson) высказывался в том же духе. По его мнению, израильское образование подчинено сионистской доктрине, что ведет к интеллектуальной стагнации. Он утверждал, что государственная централизация системы израильского образования «обусловила монополию в нем сионистской идеи... Иврит получил эксклюзивную легитимацию, и началом отсчета для осмысления истории стал период, предшествовавший диаспоре. Эта ин-

теллектуальная одержимость [навязчивое состояние] существует со времени основания государства. Она привела к стагнации в национальной системе образования, ограниченной отжившими идеалами и находящейся в эволюционном тупике. Она способна давать знания, но не может сформировать личность, гармонично вписывающуюся в глобализированное пост-модернистское общество»¹¹⁶.

Утверждения такого рода, часто выходящие из-под пера авторитетных израильских социологов, способствовали тому, что вопросы, относящиеся к истории, а не к событиям настоящего времени, заняли центральное положение в сфере социологических исследований. Как справедливо заметил Барух Киммерлинг, «каждое утверждение, касающееся прошлого, сейчас же распространяет волны и входит в естественную связь с настоящим, а возможно, и с будущим»¹¹⁷. Неслучайно в работах многих «критических социологов» границы между недавним и далеким прошлым весьма размыты: и то, и другое превращается в «полезное прошлое» («usable past»), – селективную историческую концепцию, которая служит политическим и общественным целям¹¹⁸. Ярким примером такого подхода являются две книги, изданные в середине 1990-х годов. Первая, «Восстановленные корни: коллективная память и формирование израильской национальной традиции», была написана Яэль Зерубавель из Rutgers University и рассказывает о том, как доминирующий израильский мета-миф, ставший основой исторической памяти, превращает поражения, такие как падение Массады, подавление римлянами восстания Бар-Кохбы и разгром сил еврейской самообороны в Тель-Хае в героико-романтические сказания¹¹⁹. Во второй, «Миф о Массаде: коллективная память и мифотворчество в Израиле», написанной уже упоминавшимся на страницах этой книги Нахманом Бен-Иехудой, деканом факультета общественных наук Еврейского университета в Иерусалиме, сделана попытка показать, как была сфабрикована мнимая «героическая» история Массады, как она сохранялась и

распространялась в период ишува еврейскими подпольными организациями, а после провозглашения государственности – армией, археологами, СМИ и туристской индустрией¹²⁰. В своей последней книге на эту тему «Жертвуй правдой: археология и миф о Массаде» Н. Бен-Иехуда обвиняет Игалья Ядина (1917–1984), известного военного и государственного деятеля, руководившего археологическими раскопками в Массаде в 1960-х гг., в том, что он «пошел по сомнительной дороге замалчивания информации, сокрытия доказательств и структурирования исторического сказания о Массаде, которое представляло собой фальсификацию и обман», став «мифом двадцатого столетия [именно так в тексте! Далекое прошлое оказывается неожиданно близким] о еврейском героизме»¹²¹.

Наиболее популярные из всех исторических «мифов», о которых идет речь, относятся к арабо-израильскому конфликту и сионистской версии истории, которым критические социологи уделили настолько много внимания, что их работы на эти темы часто трудно отличить от работ их коллег, «новых историков». У читателей этих сочинений едва ли останутся сомнения по поводу того, кто виноват в том, что этот конфликт возник и так и не нашел своего решения: по мнению «пост-сионистски» настроенных интеллектуалов, евреи несут прямую, если не исключительную, ответственность за это. Например, Гершон Шафир обвиняет репатриантов первых волн алии, «задача которых состояла в том, чтобы успешно колонизировать Палестину и одновременно оправдать создание гомогенных еврейских поселений, пренебрегая национальными чаяниями палестинцев». Ни в коей мере не ставя под сомнение процесс формирования нации среди палестинских арабов в последующие годы, позволим себе спросить, насколько вообще в описываемый Г. Шафиром период османского владычества правомерно говорить о «национальных чаяниях палестинцев» и о палестинцах как нации?! Г. Шафир утверждает, что сионистская колониальная политика была «главной причиной выхода кон-

фликта из-под контроля»¹²². По мнению других исследователей, руководство ишува и, позже, государства, было заинтересовано в сохранении непримиримого конфликта между арабами и евреями для обеспечения своей власти. Преподаватель кафедры социологии Хайфского университета Ури Бен-Элиэзер (Uri Ben-Eliezer) в своей изданной на иврите и на английском языках книге «Формирование израильского милитаризма» развивает именно этот тезис¹²³.

Выпускник Тель-Авивского университета Ягиль Леви, который также занимается исследованием корней израильского милитаризма, – приверженец еще более радикального подхода. В упоминавшемся выше исследовании о первых годах израильской государственности он, в частности, утверждает:

«По мере интенсификации насилия росла выгода, извлекаемая из него доминирующими еврейскими группами... Прямые достижения, такие как материальные ресурсы, социальный престиж, победа на выборах и так далее сочетались с косвенными, которые были исключительно результатом репрессий, таких как получение палестинских земель и собственности, а также удаление арабских рабочих с рынка труда для сохранения состояния конфликта. Кроме того, чем более эскалация конфликта способствовала укреплению авторитета государства внутри страны, ... тем больше становилась способность государства к легитимации неравенства в обществе, в котором доминировали ашкеназские группы»¹²⁴.

В отличие от авторов, представляющих левое крыло сионизма, возлагающих вину за якобы постигшие страну «беды» на «оккупацию», начавшуюся в 1967 г., «постсионистски» настроенные историки, социологи и публицисты связывают эти «беды» с Войной за независимость и даже с более ранними периодами. Йоав Пелед (Yoav Peled) и Ягиль Леви в статье, опубликованной в 1993 г. во все том же журнале «Теория и критика», декларируют: «Мы полагаем, что Шестидневная война была не пово-

ротной точкой, а, скорее, неотъемлемой частью арабо-израильского конфликта, который продолжается уже около ста лет. Этот конфликт сам по себе ... является краеугольным камнем израильского социально-политического устройства»¹²⁵. Постулат «пост-сионистских» гуманитариев и обществоведов довольно-таки прост: конфликт с враждебным арабским окружением с самого начала сионистской колонизации Палестины является и продолжает являться *modus vivendi* израильского государственного строительства и стоящего во главе этого процесса политического истеблишмента. Иными словами, не три «нет» Хартумской конференции, не нападения арабских армий на Израиль в 1948 и 1973 гг., а социально-политическое устройство еврейского государства (которое клеймится как «этническая демократия», «этническое государство» и «этнократия»¹²⁶) объясняет остроту и неразрешенность арабо-израильского противостояния.

* * *

Представленный в этой книге анализ развития «пост-сионистской» историографии и социологии ни в коей мере не призван умалить значение критической мысли – напротив, доверие общества к интеллектуальному поиску сохраняется лишь в случае, если мыслители придерживаются в своей работе и творчестве критического подхода. Однако в слишком многих израильских научных кругах критика, переписывающая прошлое, причем порой – искажая и извращая саму суть происходивших процессов, заняла место профессионального анализа тех уникальных явлений и феноменов, которые отличают израильское общество от других социумов. Израиль представляет собой не имеющую аналогов социальную лабораторию, которая не вписывается в сформулированные американскими учеными «общетеоретические» модели.

В своей книге «Вторая израильская республика» профессор Хайфского университета Ашер Ариан утверждает:

«Политологи, занимающиеся сравнительным анализом политических систем, затрудняются в применении своих схем к Израилю. Анализируя деятельность политических партий, Джованни Сартори приходит к выводу о том, что продолжительное доминирование МАПАЙ (Партии Труда) следует рассматривать как исключение [среди демократических стран]. В исследовании отношений между основными этническими, религиозными и языковыми группами в разных странах Аренд Лейпхарт не сумел найти в выстроенной им модели места для Израиля по причине его уникальности. Израиль часто рассматривается как исключение при анализе отношений между военным и гражданским секторами, а также успеха в сдерживании инфляции без крупномасштабной безработицы и социальных катаклизмов. В дискуссиях о политической модернизации признается, что израильский случай остается за рамками многих общепринятых моделей»¹²⁷.

Социологи и историки могли бы добавить к этому списку и другие характерные особенности. Среди этих явлений есть такие, которые уже исследованы, есть те, которые требуют повторного изучения, а есть и такие, которые никогда не рассматривались на должном академическом уровне. Вдумчивый анализ целого ряда тем, игнорируемых «пост-сионистскими» авторами, мог бы чрезвычайно обогатить общественные науки как в израильском, так и в мировом масштабе. К таким темам можно отнести: ренессанс иврита и ивритоязычной культуры, память о Холокосте и ее влияние на современную израильскую культуру, опыт создания эгалитаристского общества в киббуцах и мошавах, формирование демократических институтов и их функционирование в сохраняющейся ситуации чрезвычайного положения, влияние беспрецедентного по своему размаху террора на израильское общество, социальные и психологические аспекты жизни в еврейских поселениях Западного берега и сектора Газа, отношения между Израилем и диаспорой, военная служба женщин и новых репатриантов, и так далее. Исследо-

вания некоторых из этих вопросов проводились в прошлом и сейчас их необходимо продолжить, в то время как остальные, по-видимому, никогда не входили в сферу интересов профессиональных социологов и политологов.

Несмотря на частые войны, Израиль создал единственную стабильную демократическую систему на Ближнем Востоке. Несмотря на войны, две волны интифады и непрекращающийся террор, в стране не было ни одного случая отмены выборов и ни одной попытки военного переворота. Успех, подобный израильскому, в создании и сохранении демократических институтов в течение долгих лет военного конфликта – чрезвычайная редкость. Насколько можно судить, Индия является вторым – и последним – примером нового государства, созданного после второй мировой войны, в котором бы власть на всем протяжении периода суверенитета передавалась бы исключительно демократическим путем. К этому необходимо добавить, что подавляющее большинство иммигрантов прибыли в Израиль из государств, в которых отсутствуют демократические традиции. Иммигранты из стран с тоталитарными и авторитарными режимами по прибытии в Израиль немедленно получают израильское гражданство и право участвовать во всеобщих выборах. Анализируя опыт шестнадцати электоральных компаний 1949–2003 гг., можно сказать, что новые израильтяне с удивительной быстротой адаптируются к демократической системе правления. Изучение израильского опыта сохранения демократии в условиях изнурительного военного конфликта, очевидным образом, представляет особый интерес для очень многих развивающихся стран, которые отличают военно-политическая нестабильность и неутихающие социальные волнения.

За последние двадцать лет выросло целое поколение социологов, видящих свою задачу не в объективном исследовании современного израильского общества, а в отстаивании леворадикальных идеологических позиций и в разрушении коллективной памяти их собственной нации.

Удивительно ли, что критическая социология сегодня едва ли представляет собой нечто большее, чем боковой отрожек «пост-сионистской» историографии?

Возрождение духа плюрализма в израильской академической полемике было бы хорошей новостью не только для ученых, но и для общества в целом. Ведь не чистое интеллектуальное исследование, не наука ради науки являются конечной целью академических исследований в области общественных наук. Эти науки призваны быть зеркалом общества, дающим ему возможность понять себя и увидеть собственные недостатки. Чтобы справиться с этой ролью, израильские социальные мыслители должны быть способны бросить критический взгляд, в том числе, и прежде всего, на самих себя.

Позволю себе завершить эту главу большой цитатой (правда, с неизбежными сокращениями) из важнейшей статьи политолога Мартина Шермана (Martin Sherman), опубликованной на английском языке в газете «Jerusalem Post» в ноябре 2003 года:

«В начале 1990-х гг. в атмосфере «головокружительного оптимизма» готовился договор Осло. ... В то время большинство преподавателей израильских университетов, особенно – на факультетах гуманитарных и общественных наук, с беспримерным энтузиазмом высказывали высокие надежды на безоблачное будущее. Наделенные профессорскими должностями политологи, историки, специалисты по международным отношениям и знатоки стран Востока, за редкими исключениями, наперебой восхищались дальновидностью, предусмотрительностью и смелостью архитекторов доктрины «нового Ближнего Востока». Эксперты по вопросам Ближнего Востока оглашали длинный и впечатляющий список тех благ, которые, по их просвещенному мнению, безусловно, получит Израиль после подписания сего нашумевшего соглашения, неустанно объясняя, что именно эта инициатива принесет народу Израиля мир и благополучие.

Рядовому гражданину страны, не обладающему столь необходимыми для формирования определенной позиции знаниями, оставалось, казалось бы, лишь прислушиваться к тому, что они, эти ученые мужи, говорят. Ведь это в их руках – инструменты исследования всякого рода исторических процессов. Только они, вооруженные достаточной эрудицией и компетентностью в соответствующих вопросах, и могут «по-настоящему» проанализировать все аргументы «за» и спрогнозировать шансы на успех. Или – неудачу... Во всяком случае, рядовые члены израильского общества вправе были на это рассчитывать.

Впрочем, весьма незначительная часть профессорской элиты придерживалась противоположной позиции, утверждая, что «мирный процесс» обречен на неудачу и несет в себе колоссальный риск. Их предостережения были с презрением отвергнуты...

Но вот прошло десять лет. И время рассудило «согласных» и «несогласных», со всей очевидностью продемонстрировав, что реальность – на стороне некогда отвергнутых скептиков, осмелившихся предостерегать общество о нависшей опасности. Реальность не оставила нам ни тени сомнений: сегодня предельно ясно, чьи взгляды были обоснованными, чьи – нет.

Однако каким-то чудесным образом ряды «оптимистов», беззаветно ратовавших за «мирный» договор Осло, и ныне не пошатнулись. Видные специалисты, потерпевшие в своих высоких оценках полный крах, вышли из ситуации целыми и невредимыми.

Каким-то непостижимым образом, «лжепророки» наших дней продолжают занимать в университетах Израиля самые престижные – и, соответственно, самые высокооплачиваемые – посты. Они по-прежнему – частые и желанные гости на радио и телевидении, центральные израильские газеты охотно берут у них интервью, публикуя их оценку и интерпретацию текущих событий. Их просят объяснить обществу смысл и перспективы современ-

ной реальности – той самой реальности, которую они совсем еще недавно не сумели компетентно оценить...

Попробуем разобраться в сути дела. Спросим себя: как получилось, что высшие эшелоны израильской интеллигенции в оценке опасной для страны ситуации допустили катастрофическую ошибку?

Есть только два варианта ответа на этот вопрос:

1. Тем, от кого ждали компетентных выводов, не хватило профессионализма.

2. Высшие академические «чины» знали правду, но, дабы не лишиться насиженных мест, продемонстрировали готовность пожертвовать ею (и всей ситуацией) ради компромисса с правящими структурами государственной власти...

Человеческая общность, особенно в наши беспокойные времена, может рассчитывать на прогресс и развитие только при наличии академических свобод, подразумевающих право иметь независимую точку зрения и свободно, не боясь наказания, ее высказывать и отстаивать. Но если академические свободы безнаказанно эксплуатируются для распространения выгодных кому-то в данный момент политических идей, жди катастрофы.

Как бы отнеслось общество к тому факту, что ученый, по революционному проекту которого построили мост, а этот мост вскоре рухнул, сохранил свой престиж, имя и регалии?.. А ведь именно это, по сути, и случилось с экспертами, рьяно ратовавшими в свое время за договор Осло.

Трудно обсуждать тему академической ответственности. Тем не менее, опыт последнего десятилетия со всей ясностью показывает: создавшееся в академической среде положение необходимо изменить. Те, кто во имя «сохранения академических свобод» требует для себя неприкосновенности и освобождения от ответственности за свои ошибки – просто путают понятия «свобода» и «безнравственность». Такая интерпретация «свобод» неизбежно приведет к краху...»¹²⁸.

Предотвратить подобный крах крайне важно для всего израильского общества.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Трудно сказать, насколько резолюция № 3579 израильского правительства, принятая 2 мая 2005 г., была ответом на решение о бойкоте, принятое десятью днями ранее Ассоциацией университетских преподавателей Великобритании, однако факт остается фактом: впервые за тридцать лет в Израиле было решено увеличить численность местных университетов, и именно Академическому колледжу Иудеи и Самарии в Ариэле (одному из более чем пятидесяти существующих в стране колледжей) было решено придать «университетский» статус. Практически незаметным прошло то, что одновременно было объявлено о создании на базе существующих на севере страны колледжей «Университета Галилеи» (резолюция № 3578). Министры от входящей в коалицию левоцентристской Партии Труда, поддержав создание Университета Галилеи, утверждали, что вопрос об Ариэльском колледже был представлен правительству без предварительного обсуждения, и голосовали «против». Министр строительства Ицхак Герцог (Isaac Herzog) опосредованно упомянул британское решение о бойкоте, сказав: «Создание университета в Ариэле осложнит статус Израиля в международном академическом сообществе»¹²⁹. Однако, кроме семи министров от Партии Труда, голосовавших «против» и воздержавшихся не было. Правительство поручило министру образования, культуры и спорта Лимор Ливнат (Limor Livnat), являющейся в силу своей должности также и председателем Комитета по делам высшего образования, детально проработать данный вопрос, принимая во внимание «национальные, академические, плановые, финансовые и иные соображения»¹³⁰. Особую

поддержку принятому решению высказал министр здравоохранения Дани Наве (Dan Naveh), предложивший основать в новом университете медицинский факультет.

Многие представители израильской академической (и политической) элиты считают недостойным себя признаваться в том, что они исповедуют идеологию, имеющую национальный оттенок, им куда приятнее декларировать лозунги всеобщего наднационального равенства евреев, арабов и всех остальных, хотя лозунги эти, будь они на самом деле реализованы, скорее навредят арабскому меньшинству в Израиле, чем помогут ему. Как отмечает профессор права Амнон Рубинштейн (Amnon Rubinstein), бывший министр образования и культуры Израиля, именно потому, что Израиль – национальное государство, оно признает арабов национальным меньшинством, гарантируя его права в области образования и в других сферах¹³¹. Израильским арабам предоставлено право воспитывать своих детей в рамках отдельной системы на основе своей культуры и своего языка. Это – важное достижение, ведь в других странах национальные меньшинства, такие как курды и македонцы, безуспешно борются за это уже не один десяток лет. Превращение Израиля в наднациональное гражданское государство естественным образом лишит арабское меньшинство, составляющее пятую часть населения страны, права на автономию в области образования и культуры – едва ли сами арабские граждане страны заинтересованы в этом неминуемом последствии «денационализации» Израиля.

Британские преподаватели едва ли знают о том, что среди студентов Академического колледжа Иудеи и Самарии есть и 320 арабов-граждан Израиля. Три мэра арабских израильских городов отправили поздравления руководству колледжа в связи с повышением его статуса: Кассам Халиль, мэр города Тира, Уда Фаик, председатель местного совета Джалджулии и Сами Иса, председатель местного совета Кфар-Касем¹³². В страстном желании защитить арабов от Израиля Ассоциация универ-

ситетских преподавателей Великобритании значительно превзошла самих израильских арабов. Впрочем, более ярыми защитниками прав арабов, чем сами арабы, вновь проявили себя и представители израильского «пост-сионистского» академического истеблишмента: профессор Анат Билецки (Anat Biletzki), заведующая кафедрой философии Тель-Авивского университета, вместе с группой преподавателей и студентов приняла участие в демонстрации против создания университета на «оккупированных территориях», назвав решение правительства «незаконным и противоречащим нормам международного права»¹³³. Ее коллега из того же университета, проф. истории Шломо Занд, опубликовал на иврите статью под названием «Клеймо позора академии», английский заголовок которой был еще более красноречивым: «Бойкотируйте Ариэльский колледж»¹³⁴. Выступив против британского бойкота, автор предложил израильской интеллигенции в массовом порядке объявить бойкот Ариэльскому колледжу – и чтобы внести свой вклад в «борьбу с оккупацией», и чтобы доказать коллегам из Соединенного Королевства насколько ошибочно обвинять израильских ученых в «бесчувственности к страданиям палестинского народа». По мнению Ш. Занда, такой бойкот первыми должны были объявить сами израильские ученые, а не их британские коллеги.

Еще дальше пошла профессор лингвистики все того же Тель-Авивского университета Таня Рейнхарт (Tanja Reinhart), заявившая о легитимности бойкота всех израильских университетов, не занимающих четкой и недвусмысленной позиции против «оккупации палестинских земель»¹³⁵. Со страниц самой тиражной газеты страны «Едиот ахронот» [«Последние известия»] профессор Т. Рейнхарт также предложила израильским университетским преподавателям потребовать от правительства выполнить решение Гаагского суда и немедленно прекратить строительство разделительного «забора безопасности» на Западном берегу. Важнейшая цель этой акции,

как ее представляет профессор Т. Рейнхарт, должна бы была состоять в том, чтобы доказать иностранным коллегам беспочвенность обвинений сотрудников израильских университетов в «пособничестве оккупации». Именно в этом видится ей путь к предотвращению академического бойкота Израиля¹³⁶.

Насколько Академический колледж Иудеи и Самарии может в полном смысле слова считаться университетом – вопрос небесспорный. В качестве аргументов «против» можно отметить, что на сегодняшний день он имеет право присуждать своим выпускникам только степень «бакалавра», и только по достаточно ограниченному списку специальностей: по биотехнологии и химической инженерии, электронике, инженерии и менеджменту, физиотерапии, гражданской инженерии, архитектуре, экономике и управлению бизнесом, социальной работе и управлению медицинскими учреждениями. Любой из существующих в Израиле университетов предлагает абитуриентам значительно больший выбор, причем не только на степень «бакалавра», но и на степени «магистра» и «доктора». Признанные Комитетом по высшему образованию учебные программы колледжа в Ариэле едва ли соответствуют университетскому профилю: в колледже не готовят молодых ученых, в нем нет ни гуманитарного, ни юридического, ни медицинского, ни педагогического факультетов. С другой стороны, в качестве аргумента «за» стоит напомнить о разветвленной научной деятельности сотрудников Колледжа Иудеи и Самарии: еще в 1990 г. в нем было создан Департамент по научно-исследовательской работе, начиная с 1991 г. им проводится ежегодная междисциплинарная научная конференция (в конференции, состоявшейся в 2003 г., приняли участие около 300 ученых из разных стран, представившие 75 докладов), в 1992 г. под эгидой колледжа возникла так называемая «Технологическая теплица», с 1994 г. выпускается журнал «Дифференциальные уравнения»; затем появились и другие издания в области

естественных и общественных наук¹³⁷. Колледж имеет и вполне достойную библиотеку.

Однако в данном случае вопрос о том, какой научной базой располагает тот или иной вуз, очевидным образом, отходит на второй план. Главный вопрос здесь – политический, и ответ правительства Израиля на провокацию Ассоциации университетских преподавателей Великобритании представляется вполне адекватным. Едва ли не более сложная задача состоит в том, чтобы найти адекватный ответ на деятельность леворадикальных представителей «пост-сионистской» интеллигенции в самом Израиле, но здесь уже свое слово должно сказать гражданское общество, а не правительство, которое как раз не может и не должно играть функции «регулятора» или «цензора» в интеллектуальной полемике. Тот факт, что британские марксисты и «борцы с колониализмом» извращают до неузнаваемости принцип академической свободы, ни в коей мере не отменяет важности этого принципа как основы основ любой научно-исследовательской и преподавательской деятельности.

В 2002 г. в Нью-Йорке на английском языке вышла очередная книга-манифест – сборник статей израильских авторов-борцов с «оккупационным режимом». В сборнике с красноречивым названием «Другой Израиль», как и следовало ожидать, приняла участие большая группа университетских преподавателей и профессоров: политологи Зеэв Штернхель и Неве Гордон, востоковед Илан Паппе, социолог Барух Киммерлинг, философ Ади Офир, лингвисты Игаль Броннер и Таня Рейнхарт...¹³⁸ До тех пор, пока академическая элита страны позиционирует себя как «другой Израиль», трудно надеяться на то, что эта элита сможет внести конструктивный вклад в решение тех социально-политических проблем, которые стоят перед тем реальным Израилем.

Израильские социальные мыслители могут и должны критически анализировать те процессы, которые происходят в обществе. Общественные деятели и политики мо-

гут и должны прислушиваться к позиции интеллектуалов. Однако крайне важно, чтобы историки, политологи, социологи и востоковеды представляли обществу и правящим кругам адекватный анализ происходящих событий, осознавая и ту неизбежную меру ответственности, которая лежит на них. Академическая свобода есть обратная сторона академической ответственности, и только в этом качестве она в принципе имеет общественную ценность. На смену «пост-сионистским» глашатаям процесса Осло, осознанно закрывающим глаза на все то, что не вписывается в «единственно правильное» учение о «новом Ближнем Востоке», должны придти рационально и адекватно мыслящие аналитики, пусть и исповедующие разные взгляды, но честные с самими собой и с читателями их работ. От этого выиграют и израильские общественные науки, и все израильское общество.

Библиографические примечания

¹ Йосеф Дан, «Государство Израиль как теологическая проблема» // «Лазурь: журнал израильской общественной мысли», № 15 (2003), стр. 85 [на иврите]; статья была переведена на русский язык Довом Конторером и опубликована в израильской газете «Вести» – приложение «Окна», 9 и 16 октября 2003 г.

² Там же, стр. 86.

³ George Steiner, «Our Homeland, the Text» [1985] // «No Passion Spent: Essays 1978–1996» (London: Faber and Faber, 1996).

⁴ Лорд Актон, «Принцип национального самоопределения» [1862] // «Нации и национализм», сборник статей (Москва: «Праксис», 2002), стр. 49.

⁵ Йосеф Дан, «Государство Израиль как теологическая проблема», стр. 85.

⁶ Diaspora // «Encyclopaedia Britannica», пятнадцатое издание, 1992 г., том 4, стр. 68–69; Интернет-версия: <http://www.britannica.com/eb/article-9030291>.

⁷ Давид Брейкстоун, «От кризисного сионизма к сионизму позитивному» // «Ха'арец» [«Страна»], 5 ноября 2003 г. [на иврите].

⁸ См.: Alek D. Epstein, «The Decline of the Israeli Sociology» // «Azure. Ideas for the Jewish Nation», 16 (2004), pp. 78–108; статья была также напечатана на иврите: «Упадок израильской социологии» // «Лазурь: журнал израильской общественной мысли», № 15 (2003), стр. 89–117; Alek D. Epstein, «The Current Sociological Agenda of Israel Studies in Israel/USA and Russia: a Reexamination» // «Israel Studies Forum», vol. 19, no. 3 (2004), pp. 83–98; «The betrayal of the sociologists» (Lily Galili's interview with Dr. Alek Epstein on the current state of affairs in the Israeli sociological research) // «Ha'aretz» English and Hebrew editions, August 10, 2003, p. B3; статья на иврите была перепечатана полностью в «Бюллетене» Израильской ассоциации социологов, № 27 (2003), стр. 13–15.

⁹ Polly Curtis, Matthew Taylor, and Conal Urquhart, «Lecturers vote to boycott Israeli universities» // «*Guardian*», April 23, 2005; см.: <http://education.guardian.co.uk/higher/news/story/0,9830,1468513,00.html>.

¹⁰ См., например, призыв группы палестинских интеллектуалов к академическому и культурному бойкоту Израиля на официальном сайте Университета Бир-Зейт: <http://right2edu.birzeit.edu/news/article178> [на английском языке].

¹¹ Целиком резолюцию, принятую Ассоциацией университетских преподавателей Великобритании о бойкоте Университета Бар-Илан, можно прочесть на официальном сайте Ассоциации: <http://www.aut.org.uk/index.cfm?articleid=1203> [на английском языке].

¹² Целиком резолюцию, принятую Ассоциацией университетских преподавателей Великобритании о бойкоте Хайфского университета, можно прочесть на официальном сайте Ассоциации: <http://www.aut.org.uk/index.cfm?articleid=1202> [на английском языке].

¹³ См.: Пан Раппе, «To boldly go» // «*Guardian*», April 20, 2005, на официальном сайте газеты: <http://education.guardian.co.uk/higher/news/story/0,,1464206,00.html>.

¹⁴ См. официальные разъяснения администрации Хайфского университета по этому вопросу на сайте: http://research.haifa.ac.il/~eden/univ_response/html/html_eng/response_f.htm [на английском языке].

¹⁵ Цитируется по: Мирон Раппопорт, «Бойкотируемый» (интервью с Иланом Паппе) // «*Ха'арец*» [«Страна»], еженедельное приложение, 6 мая 2005 г. [на иврите]. Английская версия интервью вышла под названием «Alone on the Barricades».

¹⁶ См.: Давид Ратнер, «Магистерская диссертация с утверждением о массовом убийстве в Тантуре будет подана заново» // «*Ха'арец*» [«Страна»], 30 сентября 2002 г. [на иврите].

¹⁷ «*Contemporary Sociology*», vol. 26, no. 3 (1997) и vol. 26, no. 5 (1997). Первый номер включал статьи о развитии социологии во Франции, Швеции, Великобритании, ЮАР, Турции, Индии, Мексике, Бразилии, Аргентине, Южной Корее, Израиле и на территории, подконтрольной Палестинской администра-

ции; второй номер – о социологических исследованиях в Канаде, Египте, Германии, Польше, Российской Федерации, Бангладеш, Китае, Чили, Гонконге, Сингапуре и Тайване.

¹⁸ Nachman Ben-Yehuda, «The Dominance of the External: Israeli Sociology» // «*Contemporary Sociology*», vol. 26, no. 3 (1997), p. 272.

¹⁹ Michael Barnett, «The Politics of Uniqueness: The Status of the Israeli Case» // In Michael Barnett (ed.), «*Israel in Comparative Perspective: Challenging the Conventional Wisdom*» (Albany: State University of New York Press, 1996), pp. 7 and 9.

²⁰ Екатерина Усова, «Национальная идея Государства Израиль» // В книге «*Национальная идея: история, идеология, миф*» под ред. Г.Ю. Семигина (Москва: Институт сравнительной политологии РАН, 2004), стр. 329.

²¹ J.A. Hall, «Nationalisms: Classified and Explained» // «*Daedalus*» (Summer 1993), pp. 1–27; цит. фрагмент на стр. 5.

²² Эрик Хобсбаум, «*Век империи, 1875–1914*» (Ростов-на-Дону: издательство «Феникс», 1999 [перевод английского издания 1987 г.]), стр. 216–217.

²³ См.: Гидеон Шимони, «Еврейский национализм как национализм этнический» // «*Вестник Еврейского университета*», № 6 (24) (2001) стр. 249–262.

²⁴ Sergio DellaPergola, «*World Jewry Beyond 2000: The Demographic Prospects*» (Oxford: Centre for Hebrew and Jewish Studies, 1999), p. 13.

²⁵ Согласно данным, приводимым в книге: Авива Халамиш, «*Иерусалим в период британского мандата*» (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998), стр. 36.

²⁶ Инга Татаренко, «*Национальная идентификация в переходных обществах*», диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук (Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003).

²⁷ Шломо Громан, «Идиш и XXI век: прогнозы и реальность» (Иерусалим, 2004), опубликовано на сайте: <http://www.languages-study.com/yiddish/novy-vek.html>.

²⁸ Naphtali Tur-Sinai, «*The Revival of the Hebrew Language*» (Jerusalem: The Academy of the Hebrew Language, 1960), p. 4.

²⁹ Joshua Fishman, *«Reversing Language Shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages»* (Clevedon: Multilingual Matters, 1991), pp. 287–336.

³⁰ Е.А. Реферовская, *«Французский язык в Канаде»* (Ленинград: издательство «Наука», 1972), стр. 51–57.

³¹ См.: В.Ф. Шишмарев, *«Очерки по истории языков Испании»* (Москва, 1941). См. также Интернет-сайты, посвященные каталанскому языку:

<http://www.orbilat.com/Languages/Catalan/Catalan.html>;

<http://www.geocities.com/irturrad/language.html> и другие.

³² Joshua Fishman, *«Reversing Language Shift»*, p. 245.

³³ Эдмунд Гуссерль, «Кризис европейского человечества и философия» // *«Вопросы философии»*, № 3 (1986), стр. 101–116 [перевод лекции «Die Philosophie in der Krisis der europäischen Menschheit», прочитанной на немецком языке в 1935 г.].

³⁴ Бенедикт Андерсон, *«Воображаемые сообщества»* (Москва: «Канон-пресс», 2001; перевод с издания на английском языке, выпущенного в 1991 г.), стр. 222.

³⁵ См.: *«Схема национально-трудового строя»*, Введение: выводы из исторического опыта, статья 17 (Впервые издано НТС в Словакии в 1944 г.); на сайте:

<http://ntsr.s.nm.ru/docs/sch1942/vved.htm#01>.

³⁶ Сапурмарат Туркменбаши, *«Рухнама»* (Ашхабад, 2001); на сайте: http://www.turkmenistan.gov.tm/people/pep_ruh/ruh-55.html (выпуск № 55).

³⁷ Г. Василиади, *«Огонь “Прометей”»* // *«Северная Осетия»*, № 163, 24 августа 2001 г.; на сайте:

http://sevos.alanianet.ru/08_01/24-3.htm.

³⁸ Бен-Цион Динур, «“Чудо” возрождения Израиля и его исторические основы» [1949] // В книге *«Две концепции еврейского национального возрождения»* (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1981 [перевод с иврита]), стр. 248.

³⁹ Цитируется по: Йосси Гольдштейн, *«История сионистского движения»* (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1995), стр. 230–231 [на иврите].

⁴⁰ Ахад Ха'Ам, «Отрицание диаспоры» [1909] // В книге *«Сионизм в контексте истории»* под ред. Артура Херцбер-

га (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1992), том 1, стр. 63 и 54.

⁴¹ Цитируется по: Иосиф Недава, «*Жаботинский. Вехи жизни*» (Москва/Иерусалим: издательство «Гешарим», 1991 [перевод с иврита]), стр. 99.

⁴² Цитируется по: Рабби А. И. Кук, «*Философия иудаизма. Избранные статьи*» (Иерусалим: издательство «Амана», 1991 [перевод с иврита]).

⁴³ S.N. Eisenstadt, «*Jewish Civilization. The Jewish Historical Experience in a Comparative Perspective*» (Albany: State University of New York Press, 1992), pp. 141–152.

⁴⁴ Миха Йосеф Бердичевский, «Разрушать и строить» [1903] // В книге «*Сионизм в контексте истории*», том 2, стр. 69–70.

⁴⁵ О «ханаанейской идеологии» см.: Yaacov Shavit, «*The New Hebrew Nation: A Study in Israeli Heresy and Fantasy*» (London: Frank Cass, 1987).

⁴⁶ Anthony Smith, «*Nations and Nationalism in a Global Era*» (Cambridge: Polity Press, 1995), p. 150.

⁴⁷ Фрэнсис Фукуяма, «Конец истории?» // «*Вопросы философии*», № 3 (1990), стр. 134–148 [перевод статьи, опубликованной на английском языке в 1989 г.].

⁴⁸ Отто Бауэр, «Национальный вопрос и социал-демократия» [1924] // В книге «*Нации и национализм*» (Москва: «Праксис», 2002), стр. 73 [перевод с немецкого]. При этом сам Отто Бауэр, родившийся в состоятельной еврейской семье, хотя и был энергичным сторонником принципа национально-культурной автономии, полагал, что евреям она не нужна, считая исторически неизбежной и экономически обоснованной ассимиляцию евреев среди других народов, где они жили.

⁴⁹ Там же, стр. 74.

⁵⁰ И.В. Сталин, «*Марксизм и национальный вопрос*» (Москва: Госполитиздат, 1949 [1913]), стр. 19.

⁵¹ Там же, стр. 59.

⁵² Там же, стр. 60.

⁵³ Я благодарен проф. Мартину ван Крефельду, обратившему мое внимание на это.

⁵⁴ Теодор Герцль, «Еврейское государство» [1896] // В книге *«Избранное»* (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990; воспроизводится по факсимильному русскому изданию 1896 г.), стр. 53.

⁵⁵ Там же, стр. 54.

⁵⁶ Там же, стр. 100.

⁵⁷ Теодор Герцль, «Altneuland» [«Возрожденная древняя страна», 1902], цитируется по изданию: *«Герцль: личность и деятельность. Сионистская мечта и ее воплощение. Книга для учителя»* (Иерусалим: Всемирная Сионистская организация, 2004), стр. 37–39.

⁵⁸ Там же, стр. 39.

⁵⁹ Об истории левых сил в Израиле см.: Бениамин Нойбергер, *«Политические партии в Израиле»* (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998), стр. 46–81.

⁶⁰ Вальтер Лакер, *«История сионизма»* (Москва: «Кронпресс», 2000 [перевод с английского издания 1972 г.]), стр. 374. См. также: Zeev Sternhell, *«The Founding Myths of Israel. Nationalism, Socialism, and the Making of the Jewish State»* (Princeton: Princeton University Press, 1998).

⁶¹ Йосеф Дан, «Государство Израиль как теологическая проблема», стр. 79.

⁶² См.: Вальтер Лакер, *«История сионизма»*, стр. 7.

⁶³ «Израильское общество: критические взгляды», под ред. Ури Рама (Тель-Авив: издательство «Брерот», 1993), стр. 5 [на иврите].

⁶⁴ Текст «Женевского соглашения» см. в книге *«Программы урегулирования палестино-израильского конфликта»* под ред. А.Д. Эпштейна (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 115–148.

⁶⁵ Шломо Занд, «Пост-сионизм как агент памяти «без лицензии»: о создании картины прошлого в Израиле» // *«Альпайм»* [«Две тысячи»], № 24 (2002), стр. 224–225 [на иврите]. В приводимой цитате автор говорит о следующих книгах: Baruch Kimmerling, *«Zionism and Territory: The Socio-Territorial*

Dimension of Zionist Politics» (Berkeley: University of California, 1983); Gershon Shafir, «*Land, Labor, and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914*» (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).

⁶⁶ См.: S.N. Eisenstadt, «*Israeli Society*» (New York: Basic Books, 1967); Joseph Ben-David (ed.), «*Agricultural Planning and Village Community in Israel*» (Paris: UNESCO, 1964); Моше Лиссак, «Элиты еврейской общины в Эрец-Исраэль в годы британского мандата» (Тель-Авив: издательство «Ам Овед», 1981) [на иврите]; Dan Horowitz and Moshe Lissak, «*Origins of the Israeli Polity: Palestine Under the Mandate*» (Chicago: University of Chicago, 1978); Dan Horowitz and Moshe Lissak, «*Trouble in Utopia: The Overburdened Polity of Israel*» (Albany: SUNY, 1989).

⁶⁷ См.: S.N. Eisenstadt, «*Israeli Society*»; Alan Arian, «*The Choosing People. Voting Behavior in Israel*» (Cleveland: The Press of Case Western Reserve University, 1973).

⁶⁸ См.: Uri Ram, «The Changing Agenda of Israeli Sociology: Theory, Ideology and Identity» (Albany: SUNY, 1995), pp. 23–46.

⁶⁹ См.: S.N. Eisenstadt, «*The Absorption of Immigrants*» (London: Routledge, 1954); Judith Shuval, «*Immigration on the Threshold*» (New York: Atherton, 1963).

⁷⁰ Moshe Lissak, «*Social Mobility in Israeli Society*» (Jerusalem: Israel Universities, 1969); Judah Matras, «*Social Change in Israel*» (Chicago: Aldine, 1965).

⁷¹ Так, например, статья Сами Самухи «Этничность и армия в Израиле: тезисы для обсуждения и исследования» была опубликована в декабре 1983 г. в журнале «Государство, власть и международные отношения», № 22, стр. 5–32 [на иврите]; в том же номере были опубликованы контраргументы по этому вопросу Моше Лиссака. В феврале 1985 г. журнал «Мегамот» [«Тенденции»] опубликовал другое критическое эссе С. Самухи, озаглавленное «Критика осовремененной официальной версии социологии межэтнических отношений в израильском обществе», том 29 (1985), стр. 73–92 [на иврите]; полгода спустя в том же журнале (том 29, стр. 190–204) был опубликован ответ профессора социологии Тель-Авивского универ-

ситета Элиэзера Бен-Рафаэля, озаглавленный «Этничность: теория и миф» [на иврите].

⁷² См.: Gershon Shafir, «*Land, Labor and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914*» (Cambridge: Cambridge University Press, 1989; второе издание: Berkeley: University of California Press, 1996); Joel S. Migdal and Baruch Kimmerling, «*Palestinians: The Making of a People*» (New York: The Free Press, 1993; второе издание: Harvard University Press, 1994; переработанная и дополненная версия опубликована под названием: «*The Palestinian People. A History*», Harvard University Press, 2003); Ilan Peleg, «*Human Rights in the West Bank and Gaza. Politics and Legacy*» (Syracuse University Press, 1995).

⁷³ См. информацию, размещенную на официальном сайте Ассоциации: <http://www.aisisraelstudies.org/Officers.htm> и <http://www.aisisraelstudies.org/boardofdirectors.htm>.

⁷⁴ Интеллектуальное наследие Й. Шапиро анализируется в статье профессора Еврейского университета в Иерусалиме Зеэва Штернхелля «Йонатан Шапиро – первопроходец критического подхода» // «*Израильская социология*», том 2, книга 1 (1999), стр. 11–21 [на иврите].

⁷⁵ Основные его книги следующие (перечислены в хронологическом порядке): Yonathan Shapiro, «*The Formative Years of the Israeli Labor Party: The Organization of Power, 1919–1930*» (London: Sage, 1976); Йонатан Шапиро, «*Демократия в Израиле*» (Рамат-Ган: издательство «Массада», 1977 [на иврите]); Йонатан Шапиро, «*Элита без последователей*» (Тель-Авив: издательство «Сифрият поалим», 1984 [на иврите]); Yonathan Shapiro, «*The Road to Power: Herut Party in Israel*», trans. Ralph Mandel (Albany: State University of New York Press, 1991); Йонатан Шапиро, «*Общество в плену политиков*» (Тель-Авив: издательство «Сифрият поалим», 1996 [на иврите]).

⁷⁶ См.: «От редакторов» // «*Израильская социология*», том 2, книга 1 (1999), стр. 7 [на иврите].

⁷⁷ Сами Самуха, «Существующая и альтернативная политика в отношении израильских арабов» // «*Мегамот*» [«Тенденции»], том 26 (1980), стр. 33 [на иврите]. См. также опубликованную позднее английскую версию этой статьи: Sammy

Smootha, «Existing and Alternative Policy toward the Arabs in Israel» // «*Ethnic and Racial Studies*», vol. 5, no. 1 (1982), в которой утверждается: «Еврейское большинство никогда не имело ни идеологического обязательства, ни желания вкладывать значительные ресурсы с целью выравнивания существующего неравенства... Когда речь идет об обеспечении равноправия, цель на самом деле иная: усилить лояльность арабских граждан по отношению к Государству Израиль ... и отдалить их от палестинского народа» (стр. 80). В этой статье также говорится, что «[Израиль] делает все возможное с целью нейтрализовать арабов как угрозу еврейско-сионистскому характеру государства, параллельно используя их как рабочую силу, поставщиков земли и других ресурсов» (стр. 93).

⁷⁸ Sammy Smootha, «Part of the Problem or Part of the Solution: National Security and the Arab Minority» // «*National Security and Democracy in Israel*», ed. Avner Yaniv (Boulder: Lynne Rienner – Israeli Institute of Democracy, 1993), p. 109.

⁷⁹ Сами Самуха, «Арабы и евреи в Израиле – отношения большинства и меньшинства» // «*Мегамот*» [«Тенденции»], том 22 (1976), стр. 420 [на иврите].

⁸⁰ Сами Самуха, «Существующая и альтернативная политика в отношении израильских арабов», стр. 17 [на иврите].

⁸¹ Как писал сам Барух Киммерлинг в своем открытом письме, распространенном 6 апреля 2002 г.: «Many of the Israeli academic community are strongly oppose the present regime in Israel. In fact we're the only effective opposition to this fascist rule. ... Boycotting us is counter-productive and causes great damage for the cause of give the end the subjugation of the Palestinian people».

⁸² О влиянии Ливанской войны на политическое самосознание израильской профессуры см.: Michael Keren, «*The Pen and the Sword. Israeli Intellectuals and the Making of the Nation-State*» (Boulder: Westview Press, 1989), pp. 93–98.

⁸³ См. похожее утверждение в статье: Eliezer Ben-Rafael, «Critical versus Non-Critical Sociology: An Evaluation» // «*Israel Studies*», vol. 2, no. 1 (1997), p. 190.

⁸⁴ Сами Самуха, «Изменения в израильском обществе: пятьдесят лет спустя» // «Альпайм» [«Две тысячи»], № 17 (1999), стр. 249 [на иврите].

⁸⁵ Именно такое определение Израиля дается в статье: Генриетта Дахан-Калев, «События в Вади-Салиб», в книге «Пятьдесят лет после 1948 года: критические моменты истории Государства Израиль», под ред. Ади Офира (Иерусалим: Институт Ван Лир, 1999), стр. 157 [на иврите].

⁸⁶ Из предисловия Ади Офира к книге «Пятьдесят лет после 1948 года», стр. 12.

⁸⁷ Michael Shalev, «Time for Theory: Critical Notes on Lissak and Sternhell» // «Israel Studies», vol. 1, no. 2 (1996), p. 170; эта же статья была опубликована на иврите в журнале «Теория и критика».

⁸⁸ После своего назначения О. Ифтахизель изменил название и направленность журнала, который теперь называется «Hagar: International Social Science Review».

⁸⁹ Орен Ифтахизель, «Этнократия, география и демократия: замечания о политике евреизации Израиля» // «Альпайм» [«Две тысячи»], № 19 (2000), стр. 80 [на иврите]. См. также английскую версию статьи, в которой утверждается, что «1948 год должен оцениваться как важнейшая политическая поворотная точка, ... как начало руководимого государством и очевидно недемократического процесса евреизации [территории Палестины]»; см.: Oren Yiftachel, «Ethnocracy: The Politics of Judaizing Israel/Palestine» // «Constellations: International Journal of Critical and Democratic Theory», vol. 6, no. 3 (1999), p. 372.

⁹⁰ Орен Ифтахизель, «Этнократия, география и демократия», стр. 97 [на иврите].

⁹¹ Ури Рам, «Причины слабости светского населения» // «Ха'арец» [«Страна»], 14 мая 1998 г. [на иврите].

⁹² Илан Паппе, «Израильское общество между постсионизмом и неосионизмом» // «Время искать. Журнал общественно-политической мысли, истории и культуры» (Иерусалим), № 4 (2001), стр. 79.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Цитируется по: Двора Бернштейн, «Видимое сверху и снизу: основные направления в израильской историографии» // «Израильская социология», том 2, книга 1 (1999), стр. 30 [на иврите].

⁹⁵ Shulamit Carmi and Henry Rosenfeld, «The Emergence of Militaristic Nationalism in Israel» // «*International Journal of Politics, Culture and Society*», vol. 3, no. 1 (1989), p. 40.

⁹⁶ Шуламит Карми и Генри Розенфельд, «Политэкономия милитаристского национализма в Израиле» // В книге «Израильское общество: критические взгляды», под ред. У. Рама (Тель-Авив: издательство «Брейрот», 1993) стр. 286–287 [на иврите].

⁹⁷ Ягиль Леви, «Политика войн, межобщинные отношения и внутреннее усиление государства: Израиль, 1948–1956» // «Теория у'бикорет» [«Теория и критика»], № 8 (1996), стр. 203–223 [на иврите].

⁹⁸ Основные из них: Ilan Pappé, «*The Making of the Arab-Israeli Conflict, 1947–1951*» (London: Tauris, 1992); Ilan Pappé, «*A History of Modern Palestine: One Land, Two Peoples*» (Cambridge University Press, 2003).

⁹⁹ Гершон Шафир, «Земля, труд и население в сионистской колонизации: общие и особенные аспекты» // В книге «Израильское общество: критические взгляды», под ред. У. Рама (Тель-Авив: издательство «Брейрот», 1993), стр. 105 [на иврите]. См. также: Gershon Shafir, «Zionism and Colonialism: A Comparative Approach» // In: «*Israel in Comparative Perspective*», ed. Michael Barnett (Albany: State University of New York Press, 1996).

¹⁰⁰ Илан Паппе, «Израильское общество между постсионизмом и неосионизмом», стр. 78.

¹⁰¹ Гершон Шафир, «Земля, труд и население в сионистской колонизации», стр. 112 [на иврите].

¹⁰² См. там же.

¹⁰³ У. Рам, «Общество и науки об обществе» // В книге «Израильское общество: критические взгляды» под ред. У. Рама (Тель-Авив: издательство «Брейрот», 1993), стр. 31 [на иврите]. Интересно отметить, что поселенческий проект сио-

нистского движения в догосударственный период традиционно принято обозначать на иврите словом *хитъяшвут*; У. Рам же использует применительно к нему слово *хитнахалут*, обычно используемое лишь в контексте создания новых населенных пунктов на территориях, занятых Израилем в ходе Шестидневной войны 1967 г.

¹⁰⁴ См.: Ran Aaronsohn, «Baron Rothschild and the Initial Stage of Jewish Settlement in Palestine (1882–1890) – A Different Type of Colonization?» // *Journal of Historical Geography*, vol. 19, no. 2 (1993), pp. 142–156; Ran Aaronsohn, «Settlement in Eretz Israel – A Colonialist Enterprise? ‘Critical’ Scholarship and Historical Geography» // *Israel Studies*, vol. 1, no. 2 (1996), pp. 214–229.

¹⁰⁵ Двора Бернштейн, «Видимое сверху и снизу: основные направления в израильской историографии», стр. 31 [на иврите].

¹⁰⁶ Барух Киммерлинг, «Продавцы паники» // Ежедневное приложение к газете «*Ха’арец*» [«Страна»], 10 июня 1994 г., стр. 50–52 [на иврите].

¹⁰⁷ Более подробная критика утверждений авторов постсионистской ориентации представлена в статье: Moshe Lissak, «‘Critical’ Sociology and ‘Establishment’ Sociology in the Israeli Academic Community: Ideological Struggles or Academic Discourse?» // *Israel Studies*, vol. 1, no. 1 (1996), pp. 247–294.

¹⁰⁸ Вопреки утверждениям автора, Б.-Ш. Шалом едва ли мог считаться представителем общины иракских евреев; он родился в Твери в 1895 г.

¹⁰⁹ Иехуда Шенхав, «Безупречное ограбление» // Ежедневное приложение к газете «*Ха’арец*» [«Страна»], 10 апреля 1998 г., стр. 14–15 [на иврите].

¹¹⁰ См. об этом подробнее в следующих исследованиях: Алек Эпштейн и Михаил Урицкий, «Проблема палестинских беженцев: история, историография и политика» // *Время искать* (Иерусалим), № 8 (2003), стр. 55–74; Алек Эпштейн и Михаил Урицкий, «Исторические особенности формирования палестинской диаспоры» // *Диаспоры* (Москва), № 1 (2004), стр. 214–238.

¹¹¹ Иехуда Шенхав, «Безупречное ограбление», стр. 16 [на иврите].

¹¹² Ответ Шломо Хиллеля был опубликован в еженедельном приложении к газете «*Ха'арец*» [«Страна»], 29 апреля 1998 г., стр. 51–52 [на иврите].

¹¹³ Laurence J. Silberstein, «*The Post-Zionism Debates*» (New York: Routledge, 1999), p. 2.

¹¹⁴ Ури Рам, «Право забыть» // В книге «*Пятьдесят лет после 1948 года*», под ред. Ади Офира (Иерусалим: Институт Ван Лир, 1999), стр. 349 [на иврите].

¹¹⁵ Ури Рам, «Память и самосознание: социологический анализ дискуссии среди израильских историков» // «*Теория у'бикорет*» [«Теория и критика»], № 8 (1996), стр. 20 [на иврите].

¹¹⁶ Ури Давидсон, «Стагнация и эволюция в образовательной идеологии в Израиле». Доклад на 30-й годовой конференции Израильской ассоциации социологов (Ришон-ле-Цион, Колледж управления, 1999) [на иврите].

¹¹⁷ Барух Киммерлинг, «Полемика о сионистской историографии». Доклад, прочитанный в Центре изучения сионизма, истории ишува и Государства Израиль им. Б. Черика (Еврейский университет в Иерусалиме, 1994), стр. 1 [на иврите].

¹¹⁸ Яков Шавит, «Национализм, историография и исторический ревизионизм» // В книге «*Сионизм: современная полемика*», под ред. Пинхаса Гинносара и Ави Барэли (Сде-Бокер: Исследовательский центр им. Д. Бен-Гуриона, 1996), стр. 264 [на иврите].

¹¹⁹ Yael Zerubavel, «*Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*» (Chicago: University of Chicago, 1995).

¹²⁰ Nachman Ben-Yehuda, «*The Masada Myth: Collective Memory and Mythmaking in Israel*» (Madison: University of Wisconsin, 1995).

¹²¹ Nachman Ben-Yehuda, «*Sacrificing Truth: Archaeology and the Myth of Masada*» (New York: Humanity, 2002), p. 180.

¹²² Из предисловия ко второму изданию книги Gershon Shafir, «*Land, Labor and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914*», p. xiii.

¹²³ Uri Ben-Eliezer, «*The Making of Israeli Militarism*» (Bloomington: Indiana, 1998).

¹²⁴ Ягиль Леви, «Политика войн, межобщинные отношения и внутреннее усиление государства», стр. 218 [на иврите].

¹²⁵ Ягиль Леви и Йоав Пелед, «Поворотная точка, которой никогда не было: израильская социология в зеркале Шестидневной войны» // «*Теория у'бикорет*» [«Теория и критика»], № 3 (1993), стр. 115 [на иврите].

¹²⁶ См.: Sammy Smooha, «Ethnic Democracy: Israel as an Archetype», *Israel Studies*, vol. 2, no. 2 (1997), pp. 198–241; Nadim Rouhana, «*Palestinian Citizens in an Ethnic Jewish State: Identities in Conflict*» (New Haven: Yale University Press, 1997); Oren Yiftachel, «“Ethnocracy”: The Politics of Judaizing Israel/Palestine» // «*Constellations: International Journal of Critical and Democratic Theory*», vol. 6, no. 3 (1999), pp. 364–390.

¹²⁷ Asher Arian, «*The Second Republic: Politics in Israel*» (Chatham, N.J.: Chatham, 1998), p. 4.

¹²⁸ Martin Sherman, «The Professors of Oslo» // *Jerusalem Post*, November 3, 2003, p. 14.

¹²⁹ Цитируется по: Атила Шомплаби, «Правительство: Ариэльский колледж станет университетом» // Интернет-сайт газеты *Едиот ахронот* [«Последние известия»] за 2 мая 2005 г., см.: <http://www.ynet.co.il/Ext/Comp/ArticleLayout/CdaArticlePrintPreview/1,2506,L-3080084,00.html> [на иврите].

¹³⁰ Цитируется по тексту решения правительства № 3579, размещенному на сайте Администрации главы правительства Израиля; см.: <http://www.pmo.gov.il/PMO/Government/Decisions/2005/05/des3579.htm> [на иврите].

¹³¹ Amnon Rubinstein, «Zionism's Compatriots» // «*Azure. Ideas for the Jewish Nation*», no. 16 (2004), pp. 111–122.

¹³² См.: Гидеон Леви, «Что арабам до Ариэльского колледжа» // *Ха'арец* [«Страна»], 8 мая 2005 г., на сайте <http://www.haaretz.co.il/hasite/objects/pages/PrintArticle.jhtml?itemNo=573429> [на иврите].

¹³³ Цитируется по: Моран Заликович, «Ариэль: демонстрация против превращения колледжа в университет» // Интернет-сайт газеты *Едиот ахронот* [«Последние известия»] за 4 мая 2005 г., см.:

<http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3081051,00.html> [на иврите].

¹³⁴ См.: Шломо Занд, «Клеймо позора академии» // *Ха'арец* [«Страна»], 3 мая 2005 г., стр. Б2 [на иврите].

¹³⁵ Интервью Шломо Занда и Тани Рейнхардт см. в статье Яэль Цубари, «Мы должны были бы бойкотировать сами» // *Тель-Авивская газета*, 29 апреля 2005 г., см. на Интернет-сайте: http://www.tam.co.il/29_4_2005/chdashot2.htm [на иврите].

¹³⁶ См.: Таня Рейнхарт, «Почему именно нас?» // *Едиот ахронот* [«Последние известия»], 4 мая 2005 г. [на иврите].

¹³⁷ См. сайт Департамента по исследовательской работе Академического колледжа Иудеи и Самарии: <http://www.yosh.ac.il/rnd/> [на иврите].

¹³⁸ См.: «*The Other Israel. Voices of Refusal and Dissent*», edited by Roane Carey and Jonathan Shainin (New-York: The New Press, 2002).

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль**: "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков**: "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский**: "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян**: "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков**: "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев**: "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова**: "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин**: "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский**: "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко**: "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар**: "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн**: "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов**: "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов**: "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна.**

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян**: "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко**: "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов**: "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов**: "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
 In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays)
Edited by **Alek D. Epstein.**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
152. "The Contemporary Middle East" № 24, (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century".
158. "The Contemporary Middle East" № 25, (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26, (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Алек Д. Эпштейн

**ИЗРАИЛЬ В ЭПОХУ «ПОСТ-СИОНИЗМА»:
НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА**

Подписано в печать 18.12.2005 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 9,5 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 93

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»